

От автора романа «ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

Умный любовный роман
с неожиданным сюжетным поворотом.

Good Housekeeping

Последняя

ЛЮБОВЬ

ГИПНОТИЗЕРА

Как далеко вы готовы пойти,
чтобы сохранить мужчину
своей мечты?

Лиана Мориарти

Annotation

Как далеко вы готовы зайти, чтобы сохранить мужчину своей мечты?

Успешный гипнотерапевт, Элен помогает людям справиться с их проблемами. В прошлом у Элен было несколько бурных романов, и сейчас ей больше всего хочется покоя и стабильности. Встреча с Патриком вселяет в нее оптимизм. Патрик привлекателен, одинок, кроме того, Элен чувствует, что нравится ему, но Патрика вот уже три года преследует Саския — его прежнее увлечение. Элен заинтригована и хочет встретиться с этой женщиной, не подозревая, что та под чужим именем ходит на ее сеансы, поскольку желает знать все о той, кто занял ее место в сердце Патрика, и всеми правдами и неправдами вернуть бывшего возлюбленного...

Роман для всех, кто любил, терял любовь и обретал ее вновь.

Впервые на русском языке!

Лиана Мориарти

Последняя любовь гипнотизера

Посвящается Джорджу и Анне

Liane Moriarty

THE HYPNOTIST'S LOVE STORY

Copyright © Liane Moriarty, 2011

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. Голубева, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство Иностранка®

Когда люди думают о гипнозе, они представляют качающийся маятник, «Вы засыпаете» и добровольцев, которые кудахчут на сцене, как куры. А потому не стоит удивляться, что многие клиенты весьма нервничают, когда приходят ко мне в первый раз! Но на самом деле в гипнозе нет ничего неестественного или пугающего. Скорее всего, в повседневной жизни вы уже сталкивались с состоянием, подобным трансу. Не доводилось ли вам ехать по привычному маршруту, а потом обнаруживать, что вы совершенно не помните, как добрались? Догадываетесь с чем это связано? Вы были в трансе!

Из брошюры Элен О'Фаррел «Введение в гипнотерапию»

Меня прежде никогда не гипнотизировали. Честно говоря, я даже не верила в гипноз. Предполагала просто лежать там и делать вид, что это на меня действует. И стараться не хихикать.

— Большинство людей потом удивляются, насколько им это понравилось, — сказала гипнотизер.

Она воплощала мягкость и чистоту, никакой косметики или драгоценностей. Кожа гладкая и прозрачная, будто ее обладательница только что искупалась в горном ручье. А пахло от нее так, как пахнет в весьма дорогих и изысканных магазинчиках, какие можно найти в провинциальных городках: сандалом и лавандой.

Все это происходило в крошечной теплой и странной комнате. Она была пристроена к зданию сбоку, подобно некоему закрытому балкону. На полу лежал старый поблекший ковер с рисунком из почти исчезнувших розовых роз. Зато окна были современные: стеклянные панели от пола до потолка, как в каком-нибудь атриуме. Комнату буквально заливало светом. Когда я вошла, свет, словно живительный бриз, обрушился на меня, и я вдохнула запах старых книг и моря.

Мы стояли рядом — гипнотизер и я, — почти вплотную к окнам. Когда вы стоите так, то уже не видите песок внизу, а лишь море, бесконечную сияющую равнину, что тянется вплоть до бледно-голубой линии горизонта.

— Чувствую себя так, будто нахожусь у штурвала корабля, — сказала я гипнотизерше, которую явно привело в восторг мое замечание.

Она ответила, что и сама всегда чувствует именно это, и ее глаза стали большими и засверкали, как у ведущего на детском празднике.

Наконец мы сели друг напротив друга. Мне досталось мягкое кожаное кресло зеленого цвета с откидывающейся спинкой. Гипнотизерша устроилась в кресле в красно-кремовую полоску. Нас разделял низкий кофейный столик, на нем стояла коробка с бумажными носовыми платками, — должно быть, некоторые клиенты здесь плакали, рыдали о прошедшей жизни, как голодный крестьянин о куске хлеба насущного, — а еще кувшин с ледяной водой, на поверхности которой плавали два безупречно круглых ломтика лимона, два высоких стакана, маленькая серебряная чаша с крошечными шоколадками в обертках и

плоский поднос, наполненный маленькими разноцветными стеклянными шариками.

Когда-то у меня тоже был стеклянный шар — большой, старомодный, — он сохранился со времен детства моего отца. Я всегда зажимала этот шарик в кулаке на удачу, сдавая экзамены или проходя собеседование для работы. Но несколько лет назад потеряла его, а вместе с ним и свое везение.

Я огляделась. Свет отражался от океана и падал на стены — призмы ослепительного сияния. Это уже завораживало. Гипнотизер сложила руки на коленях, ее ноги ровно стояли на полу. Плоские балетки, черные лосины, вышитая блуза в этническом стиле и кремовый просторный кардиган. Хиппово, но элегантно. Весьма современно и в то же время с ноткой классики.

Мне подумалось, какую прекрасную, спокойную жизнь она ведет. Сидит каждый день в этой невероятной комнате, купаясь в танцующем свете. Никаких электронных писем, забивающих ваш компьютер. Никаких раздражающих телефонных звонков, забивающих вашу голову. Никаких срочных встреч или сводных ведомостей.

Я просто ощущала ее счастье. Оно истекало от гипнотизера, густое, как запах дешевых духов. Впрочем, та, очевидно, никогда не пользовалась дешевыми духами.

Во рту появился кислый вкус зависти. Я поспешила взять шоколадку, чтобы прогнать его.

— Ох, отлично. Я тоже съем одну, — сказала гипнотизерша с такой теплой дружелюбностью, как будто мы с ней были старыми приятельницами, и развернула обертку.

Наверное, у нее есть целая толпа добродушных, милых, готовых помочь подружек, которые обнимаются при встрече и по вечерам смотрят «Секс в большом городе». А еще подолгу весело болтают по телефону, обсуждая мужчин. Да, она именно из таких.

Гипнотизер открыла блокнот на колене и заговорила, не дожидаясь шоколадку:

— Ну, до того как мы чем-либо займемся, я хочу задать вам несколько вопросов. Ох, не следовало мне брать конфету с карамелью. Ее очень долго жевать...

Вопросов оказалось неожиданно много.

На большую их часть я ответила честно. Они были достаточно безобидными. Даже немножко трогательными. «Чем вы зарабатываете на жизнь?», «Как вы отдыхаете?», «Какая у вас любимая еда?».

Наконец гипнотизерша откинулась на спинку кресла, улыбнулась и произнесла:

— А теперь поведайте: почему вы сегодня здесь?

Конечно, мой ответ на этот вопрос и на сотую долю процента не был правдивым.

* * *

— Я должен кое-что тебе рассказать, — произнес он.

Потом положил нож и вилку на край своей тарелки, распрямился, расправил плечи, как будто приготовился расплатиться. Он выглядел немного испуганным и слегка пристыженным.

В желудке Элен мгновенно образовался болезненный ком. Часть ее сознания отметила, как первым отреагировало тело. Связь «тело — ум — дух» в действии. Как это захватывает!

Радостная, открытая улыбка нелепым образом застыла на ее лице.

Ей тридцать пять. Она прекрасно осознавала, что это значит. Этот милый мужчина,

работающий на себя геодезист, этот отец-одиночка, который любил отдых на лоне природы, и крикет, и музыку в стиле кантри, готовился вывалить на нее нечто такое, что заставит ее забыть о морском окуне под белым винным соусом. Он собирался произнести нечто такое, что погубит этот день. А день ведь выдался воистину чудесным, и морской окунь оказался невероятно вкусным.

Она с сожалением отложила вилку.

— И что же? — спросила с легкой усмешкой в голосе, хотя каждая мышца напряглась в ожидании удара.

Она справится. Это же не конец света, а всего лишь четвертое их свидание. Элен не особо пока доверяла ему. Да она едва знала его! В конце концов, он же любит музыку кантри! Она должна была насторожиться с самого начала. Она, конечно, позволила себе легкие фантазии в ванне, но это же обычные бредни перед свиданием.

И вот она уже двигалась вперед, работая над своим восстановлением. Нужно быть в полном порядке к среде. В крайнем случае к четвергу. Слава богу, она не успела с ним переспать.

Элен не могла изменить того, что должно было вот-вот произойти, она могла только отреагировать на это.

На какое-то мгновение перед ней возникла ее мать с глазами, возведенными к небесам: «Элен, скажи, дорогая, ты действительно веришь во всю эту ерунду насчет самосовершенствования?»

Она действительно верила. Всем сердцем. Позже мать извинилась за свое замечание. «Наверное, это прозвучало уж слишком покровительственно», — сказала она, и Элен сделала вид, что от потрясения теряет сознание.

— Вообще-то... ты позволишь мне отлучиться на минутку? — Мужчина встал, и его салфетка соскользнула на пол. Он поднял ее, вспыхнув, и аккуратно положил на стол рядом со своей тарелкой. Элен посмотрела на него. — Я просто... — Он махнул рукой в глубину ресторана.

— Конечно. — Элен успокаивающе кивнула.

— В ту сторону, сэр, налево. — Официант сдержанным жестом указал направление к туалетным комнатам.

Она смотрела ему вслед.

Патрик Скотт.

Вообще-то, ей никоим образом не нравилось имя Патрик. Слишком слащавое. Вы могли бы без труда представить, что Патриком зовут вашего парикмахера. К тому же его приятели-мужчины, скорее всего, называли его Скотти. Ну, это и в самом деле идеально подходит для простого австралийского парня.

Если он решил со всем покончить, то определенно будет больно. Всего лишь укол, но чем-то очень острым. Но ведь в Патрике Скотте нет ничего выдающегося. У него обычное приятное лицо — вытянутое, худощавое, со слегка редящими надо лбом волосами. Обычное телосложение — среднего роста, с довольно широкими плечами, но ничего сверхъестественного в их ширине не было, они не выглядели так, словно Патрик специально над ними работал. Самая обычная работа, самая обычная жизнь. Необычно лишь то, как хорошо она себя чувствовала рядом с ним, причем это ощущение родилось почти сразу, буквально через несколько минут после их знакомства, когда они очутились в пустом до неловкости кафе. Это кафе предложила Элен и пришла в ужас, обнаружив, что в нем

практически никого нет, так что их нервные голоса — оба волновались на первом свидании — звучали как будто слишком громко. А три скучающие юные официантки стояли в другом конце зала, не найдя себе занятия получше, чем подслушивать их банальный разговор. В ожидании капучино Скотт вертел пакетик с сахаром, очерчивая им круги и постукивая по столешнице, и тут их глаза встретились, и они оба неловко усмехнулись, осознав весь ужас ситуации. И вдруг Элен почувствовала, как ее тело избавилось от напряжения, будто ей дали мощное успокоительное. Ей показалось, что она уже знакома с этим человеком, что она знает его много-много лет. Если бы она верила в перерождение — а она не то чтобы совсем в него не верила, ведь на своей работе повидала всякое и ее сознание было открыто для самых невероятных возможностей, — то она бы сказала, что они действительно должны были когда-то друг друга знать.

Такая мгновенная вспышка тепла была ей знакома по общению с другими женщинами — о, она была суперзвездой в налаживании отношений с женщинами, — но никогда такого не происходило при встрече с мужчиной.

Так что — да, она действительно едва знала этого геодезиста по имени Патрик Скотт, но ей было бы больно, если бы он с ней порвал. Пожалуй, это было бы хуже, чем просто какой-то легкий укол.

Элен подумала о сотнях, а может быть, и о тысячах историй расставаний, которые она слышала от своих клиентов за многие годы. «Я приготовила ужин из трех блюд для тринадцати его родственников, а когда уже мыла посуду, он вдруг заявил мне, что больше меня не любит!» «Мы провели потрясающий отпуск на Фиджи, и когда возвращались домой и пили шампанское, она вдруг мне заявляет, что съезжает от меня! Под шампанское! Как будто это праздник какой-то!»

Ох, эта неприкрытая боль, которая продолжала искажать их лица, даже если они описывали то, что произошло много лет назад! Уход любимого или пусть даже только возможного любимого был слишком труден для Внутреннего Ребенка. Страх оказаться брошенным, воспоминания о давней боли, ощущение неполноценности и отвращение к себе — все всплывает на поверхность в непрерывной муке чувств.

Элен пыталась наблюдать за собственной ситуацией объективно, как за историей какого-нибудь клиента, в надежде, что сможет отстраниться от нее. Но это не помогало.

Конечно, вся эта паника могла возникнуть и на пустом месте. Патрик, возможно, вообще не думал о расставании. Ведь не было никаких признаков, а уж она-то умела «читать» людей. В конце концов, Элен именно этим зарабатывала на жизнь. Сегодня вечером Патрик с порога заявил, что она выглядит потрясающе, и на его лице было написано искреннее наслаждение, словно ему только что преподнесли подарок. А ведь он не принадлежал к тем лощеным обаятельным типам, которые машинально произносят именно те комплименты, которые хочется слышать женщинам. И во время ужина их глаза то и дело встречались, и эти взгляды можно охарактеризовать как долгие. За ужином Элен отмечала, как Патрик склоняется в ее сторону. Хотя, возможно, он просто неважно слышал — удивительно, какое множество мужчин на самом деле слегка глуховаты. Элен это знала и по опыту прошлых свиданий, и по своей работе.

В то же время Элен чувствовала, что их тела говорят на одном языке, что они дышат в одном ритме, и не потому, что она копировала его движения. Во всяком случае, не намеренно, как это бывало с клиентами.

В разговоре не возникало неловких пауз или затруднительных моментов. Патрик

интересовался, в весьма уважительной форме, гипнотерапией. Не говорил: «А ну-ка, покажи мне! Заставь меня кудахтать, как курица!» Он не насмехался или, еще хуже того, не переходил на вежливо-снисходительный тон, чтобы сказать, что, вообще-то, не верит в альтернативную медицину. Не говорил: «Значит, ты постоянно нуждаешься в тренировке?» или «А что, это действительно приносит деньги?». И он не выглядел испуганным. Некоторые из мужчин, с которыми она встречалась, явно по-настоящему боялись, что она может их загипнотизировать без их ведома. Но ему как будто было просто интересно.

И еще, всего несколько минут назад он показал ей фотографии своего сына! Его прелестного светловолосого тощего восьмилетнего мальчишки на скейтборде, и с тромбоном в руках — в школьном оркестре, и на рыбалке вместе с отцом. Уж конечно, Патрик не стал бы показывать снимки, если бы решил, что пора разрывать отношения.

Если только решение пришло к нему спонтанно. Теперь, когда Элен думала об этом, то понимала, что все выглядело до странности внезапным — то, как Патрик вдруг положил на стол вилку и нож, чтобы сделать некое сообщение, и его взгляд устремился куда-то за ее плечо, словно он увидел вдали картинку совсем другого будущего. Элен просто замерла, не закончив фразу. Она как раз рассказывала ему историю одного пациента, одержимого Дженнифер Лопес. Хотя на самом деле это был Джон Траволта, но Элен всегда изменяла детали из соображений конфиденциальности. К тому же с участием Дженнифер Лопес история выглядела более забавной.

Патрик казался таким грустным. И если даже не собирался порвать с Элен, то явно держал на уме нечто неприемлемое или неприятное.

Возможно, Патрик лгал о том, что овдовел: на самом деле он до сих пор мог быть женат и жить с женой, пусть даже они и спали в разных комнатах.

Или никакой он не геодезист, а самый настоящий гангстер. И теперь к ней явятся агенты ФБР и потребуют, чтобы она нацепила на себя микрофон. А потом ее тело так и не будет найдено. Прошлым летом Элен посмотрела на DVD все серии «Сопрано». Или, может быть, Патрик страдал какой-то смертельной болезнью. Это было бы ужасно, но хотя бы не несло в себе личного оскорбления.

Но чем бы это ни оказалось, Элен была уверена: те солнечные чувства, которые радовали ее весь день, вот-вот растают.

Она сделала большой глоток вина и оглянулась, чтобы проверить, не возвращается ли Патрик из туалетной комнаты. Нет. Бог мой, да сколько уже времени он там? Может, просто ополоснул лицо холодной водой, а теперь стоит перед зеркалом и смотрит в глаза своему отражению, вцепившись в край раковины и тяжело дыша?

Или уже мчится куда-то, скрываясь от закона.

Дыхание Элен стало слегка неровным.

Переизбыток воображения может оказаться вреден. Так написала в ее характеристике за седьмой класс учительница миссис Паско.

Элен огляделась по сторонам. Другие посетители ресторана были погружены в разговоры, приборы едва слышно звякали по тарелкам, время от времени раздавались не слишком громкие взрывы смеха. Никто не обращал внимания на женщину, сидевшую напротив пустого стула.

Не пора ли? Нужно ли это на самом деле? Да.

Элен выпрямилась, положила руки на колени, ладонями вниз. Она закрыла глаза и начала вдыхать воздух через нос, выдыхая через рот. При каждом вдохе она представляла, как

ее тело наполняется мощным золотым светом. Этот свет давал ей энергию и силу. Этот свет наполнял ее ноги, живот, руки и наконец врвался в ее голову, и она уже видела лишь золотистое сияние, будто смотрела прямо на солнечный закат; на мгновение ей даже показалось, что она парит в нескольких сантиметрах над своим стулом.

Со мной все будет в порядке. Что бы он ни говорил, это не затронет мою сущность. Я справлюсь. На счет «три». Один... два...

Элен открыла глаза, освеженная и полная новой энергии. И снова огляделась. Никто не тарачился на нее. Конечно, она понимала, что на самом деле не левитировала, не взлетала над стулом, сияя, как электрическая лампочка, но иногда эти ощущения были настолько потрясающими, настолько реальными, что Элен просто поверить не могла, что это так или иначе не проявилось физически, внешне.

Самогипноз был таким прекрасным инструментом! Она всегда узнавала, если кто-то из студентов или пациентов действительно его использовал. Они бывали просто ошеломлены тем, чего способен достичь их ум. В тот день, когда к ней пришло ощущение левитации, Элен показалось, что она научилась летать! А ведь это бы решило проблему наркотиков, если бы удалось научить подростков самогипнозу.

Патрик все еще не вернулся. Элен посмотрела на тарелку с едой, стоявшую перед ней. Нет смысла позволить всему пропасть напрасно. Официант, скользивший мимо, остановился и заново наполнил ее бокал вином. Замечательное вино, замечательная рыба. Жаль, что у нее нет с собой какой-нибудь книги.

Элен принялась размышлять о прошедшем дне.

До того самого момента, когда Патрик вдруг отложил нож и вилку, все шло отлично. Даже безупречно.

Она прекрасно спала, не видя никаких снов, убаюканная ритмичным стуком дождя по крыше, и проснулась поздно, когда на ее лицо упал солнечный свет. Первым, что она увидела, открыв глаза, была ветка, которую она подвесила к потолку как напоминание о буддистской практике памятования^[1]. Она неторопливо сделала три глубоких вдоха, удерживая губы в полуулыбке.

Теперь ей хотелось, чтобы она никогда не упоминала об этой практике в разговоре со своей хорошей подругой Джулией, которая тут же попросила Элен продемонстрировать ее полуулыбку. Когда Элен все-таки это сделала, после долгих уговоров Джулии, та хохотала не меньше десяти минут.

Встав с постели, Элен обнаружила, что в комнате прохладно, а оконные стекла на ощупь казались ледяными, однако новая система газового отопления, которую успели установить еще ее бабушка с дедушкой (спасибо счастливому лотерейному билету двоюродной бабушки Мэри!), быстро превратила ее дом в уютный кокон. Она съела на завтрак посыпанную коричневым сахаром овсянку, слушая при этом новости по Эй-би-си, вполне оптимистичные, хотя и противоречивые. Недавняя пандемия гриппа в конце концов оказалась вроде бы совсем не пандемией. Мать Элен, терапевт, с самого начала это утверждала. Пропавший малыш нашелся живым и невредимым. Недавнее убийство, якобы совершенное гангстерами, скорее всего, было результатом обычной семейной ссоры. Последний политический скандал утих. Движение на дорогах спокойное. Ветер ожидался юго-западный умеренный. Впервые мир выглядел вполне удобным местом.

После завтрака она заставила себя пробежаться вдоль пляжа и вернулась веселой и освеженной, слизывая с губ соль.

В этот день у Элен были назначены четыре встречи. Она провела последний сеанс с пациентом, который нуждался в помощи в преодолении страха перед полетами, чтобы быть в состоянии отвезти жену во Францию на рубиновый юбилей их совместной жизни. Уходя, он энергично пожал Элен руку и пообещал прислать ей открытку из Парижа. Потом она встретила с двумя новыми пациентами, а она всегда наслаждалась встречами с этими пока еще незнакомыми людьми. Первой была женщина, страдавшая от непрерывной боли в ноге уже четыре года. Она посетила бесчисленное множество докторов, физиотерапевтов и хиропрактиков, но никто не сумел ей помочь. Второй новенькой оказалась дама, которая пообещала жениху, что бросит курить ко дню их свадьбы. Оба сеанса прошли вполне успешно.

Последней в этот день пациенткой была особа, которая, пожалуй, не войдет в список ее побед. Элен так и не удалось по-настоящему выяснить, чего Мэри-Бет на самом деле ждала от гипнотерапии, причем та отказывалась обращаться к кому-либо еще и настаивала на продолжении лечения. Элен решила сегодня не применять чего-то сложного, а просто устроить Мэри-Бет легкий сеанс релаксации. Она называла это массажем души. В итоге Мэри-Бет заявила, что ее душа чувствует себя без изменений, благодарю вас, но такова уж была Мэри-Бет.

После того как Мэри-Бет тяжелой походкой отправилась восвояси, Элен как следует прибралась в доме, продуманно оставив некоторые вещи лежать немножко не на своих местах, чтобы все выглядело так, будто она никакой особой уборкой не занималась, а всегда была достаточно аккуратной.

Потом она немного поразмышляла над тем, не снять ли ей некоторые цитаты из буддистских текстов, что висели по всему дому на бледно-фиолетовых листках. Ее бывший парень Джон обычно насмехался над ними: стоя возле ее холодильника, он читал эти короткие тексты писклявым голосом. Но сокрытие своего истинного «я» ведь не есть удачный путь для начала нового романа, разве не так?

Еще Элен застелила кровать недавно купленными и самыми нарядными простынями. Возможно, пришла пора лечь с ним в постель. Ох да, немножко цинично, но об этом думаешь, когда ходишь на свидания в возрасте слегка за тридцать. Им ведь не по шестнадцать лет. Они не религиозны. Да и познакомились через Интернет, на сайте знакомств. Так что все было предельно ясно с самого начала. Оба искали долговременных отношений и сразу об этом заявили.

Пока они лишь несколько раз поцеловались, причем весьма неплохо. Теперь же настало время секса. Элен жила в целомудрии уже почти год, а она любила секс. Это удивляло некоторых мужчин, которые, похоже, поначалу видели в ней нечто неземное, бесплотное-нежное, хотя Элен вовсе таковой не была, но она ничего не имела против и всегда немножко актерствовала. Возможно, это и было ошибкой?

А еще она любила фильмы ужасов, и кофе, и бифштексы, не слишком прожаренные. Многие были уверены в том, что Элен — вегетарианка. На самом деле ей бы и следовало быть травоядной. Кое-кто заходил так далеко, что готовил для нее специальные блюда на приемах с ужином, а потом эти люди еще и заявляли, что прекрасно помнят, как она говорила, будто не ест мяса.

Элен не стала спешить, готовясь к вечеру: она долго сидела в горячей ванне со стаканчиком вина, включив один из альбомов «Violent Femmes». Тяжелые музыкальные аккорды и резкие голоса представляли собой ошеломительный контраст мягкой ритмичной

музыке для релаксации, которая звучала у Элен весь день, — и это было похоже на то, как если бы она опрокинула себе на голову ведро ледяной воды. «Violent Femmes» напомнили ей о том времени, когда она была подростком и ее переполняли гормоны и надежды. Когда Патрик постучался в парадную дверь ее дома, Элен уже пришла в удивительно хорошее настроение, хотя в ее уме то и дело мелькало: «Должно быть, все идет к краху».

Но Элен отмела эту идею. И вот теперь... *Я должен кое-что тебе сказать.*

Она отложила вилку. Куда он пропал? Один из официантов бросил на нее осторожный взгляд, явно прикидывая, не следует ли предложить даме какую-то помощь.

Элен посмотрела на полупустую тарелку Патрика. Мужчина заказал свиную грудинку. Станный выбор, но Элен еще недостаточно хорошо знала Патрика, чтобы поддразнить его на этот счет. Свиная грудинка! Звучало просто отвратительно, а теперь и выглядело как большой кусок застывшего холодного жира.

Если Патрик из тех, кто постоянно заказывает вот такую еду, забивающую артерии, то, возможно, он свалился в туалете с сердечным приступом? Может, ей следует попросить официанта пойти и проверить? А что, если свиная грудинка просто не захотела остаться в его желудке? Он ведь был заметно подавлен. Ну, она и сама была бы подавлена в схожих обстоятельствах. Хотя мужчины обычно все воспринимают намного проще.

Нет, она слишком стара для таких вот волнений на свиданиях. Ей бы следовало сидеть дома, печь пирожки, или что там делают родители первоклассников по вечерам?

Элен снова посмотрела в сторону туалетных комнат и наконец увидела Патрика, направляющегося к ней. Он выглядел потрясенным, как будто только что пережил небольшую автомобильную аварию, но в его глазах Элен увидела и выражение типа «игра окончена». Словно его поймали в момент ограбления банка и он выходил на улицу, подняв руки над головой.

Патрик сел напротив и положил на колено салфетку. Взял вилку и нож, посмотрел на свиную грудинку, вздохнул и снова отложил прибор.

— Ты, наверное, решила, что я чокнутый, — начал он.

— Ну, я в общем удивлена! — преувеличенно бодро ответила Элен.

— Я надеялся, что мне не придется рассказывать тебе об этом, пока мы не... но потом осознал, что просто должен объяснить тебе все именно сегодня.

— Ты не торопись. — Теперь Элен говорила спокойным, слегка напевным голосом, каким она разговаривала с клиентами. — Уверена, я справлюсь... что бы это ни было.

— Да ничего плохого! — поспешил заявить Патрик. — Только куда более затруднительно... неудобно, чем что-либо другое. Это просто... Ладно, я соберусь с духом и все скажу. — Он помолчал и глуповато усмехнулся. — У меня есть преследователь.

В первое мгновение Элен даже не поняла, что он имеет в виду. Как будто английский стал для нее иностранным и ей необходимо было перевести услышанное слово.

У меня есть преследователь.

— Кто-то тебя преследует? — наконец переспросила она.

— Да, последние три года. Моя бывшая подруга. Иногда исчезает на какое-то время, но потом снова возвращается с жадной мести.

Элен ощутила восхитительную волну облегчения. Теперь, когда она поняла, что от нее не отказываются, вдруг стало ясно, насколько ей на самом деле нравится Патрик, как сильно она надеялась, что все получится. Даже позволила пронестись в своих мыслях словам: «Я могла бы влюбиться в него», когда накладывала косметику. И причиной потрясающе

хорошего настроения в этот день была не погода, и не овсянка, и не новости. Причина в Патрике.

Бывшая подруга, которая его преследует? Отлично!

Это было воистину интересно.

Хотя, с другой стороны, преследование...

Она-то повидала немало писем, составленных из вырезанных из журналов и газет букв. Посланий, написанных кровью на стенах. Чокнутых фанатов, сидящих перед домами знаменитостей. Обезумевших бывших мужей, стреляющих в своих жен.

Но кто станет преследовать геодезиста? Даже если у него удивительно милый подбородок.

— Ладно, но что ты имеешь в виду под преследованием? Что именно она делает? Нападает на тебя?

— Нет. — Патрик выглядел так, словно ему предстояло против собственного желания ответить на ряд весьма интимных медицинских вопросов. — Никакого физического насилия. Просто время от времени она начинает кричать. Позволяет себе грубые оскорбления. Может позвонить по телефону посреди ночи, посылает письма, электронные сообщения, но чаще всего просто держится поблизости. Куда бы я ни пошел, она уже там.

— Ты хочешь сказать, она ходит за тобой следом?

— Да. Везде.

— Ох, боже мой, должно быть, для тебя это просто ужасно! — Элен снова превратилась в благоразумную леди. — А ты обращался в полицию?

Патрик поморщился, как при неловком и неприятном воспоминании:

— Да. Один раз. Я поговорил с женщиной-офицером. Не знаю, поверила ли. Она давала мне разные правильные советы, я же просто чувствовал себя идиотом, даже мерзавцем. Она предложила мне вести дневник преследования, отмечать все. Я так и сделал. И еще объяснила про запретительный ордер. Я об этом призадумался, но когда сказал своей бывшей, что ходил в полицию, она заявила: если я буду продолжать в том же духе, она сообщит, что это я надоедаю ей, что я ее ударил. Ну, понимаешь, я ведь мужчина, так кому они поверят? Конечно же ей. И я все это бросил. Надеюсь, она отстанет. Но вот уже сколько времени прошло... Поверить не могу, что все это тянется так долго.

— Это должно быть...

Элен хотела сказать «пугающим», но такое слово могло оскорбить Патрика; Элен была уверена, что мужское самолюбие такое же хрупкое, как яичная скорлупа. И вместо того она сказала «напряженным». И при этом не смогла полностью скрыть радость, прорвавшуюся в ее голос.

— Поначалу я всерьез думал, что это касается только меня, — продолжил Патрик. — И постепенно даже смирился. Ну, всякое ведь бывает в жизни, так уж получилось, однако это затрудняет новые отношения. Некоторые женщины сразу очень пугаются. Другие поначалу говорят, что все в порядке, ничего страшного, но потом оказывается, что им это не под силу.

— Я справлюсь, — быстро сказала Элен, будто проходила собеседование с целью получить работу и делала вид, что не боится трудностей.

К тому же история с бывшей подругой сразу вызвала у нее профессиональное желание доказать, что она сама гораздо лучше и сильнее.

Элен в волнении отпила вина. Она ведь только что выложила карты на стол. По сути, она сообщила Патрику: «Я хочу с тобой долгих отношений».

Она хмурилась, глядя в бокал с вином, словно собиралась пренебрежительно высказаться о качестве напитка, а когда наконец подняла взгляд, Патрик смотрел на нее с улыбкой. Это была широкая улыбка чистого удовольствия, от которой возле его глаз собрались морщинки. Он потянулся через стол и взял Элен за руку:

— Я очень надеюсь, что ты сможешь, поскольку я действительно чувствую, что все хорошо. Я имею в виду, между нами. В смысле будущего.

— Наши будущие возможности, — повторила Элен, смакуя каждое слово и наслаждаясь его прикосновением.

Какая все это чушь — что женщина за тридцать уже слишком изнурена прошлым и клинически неспособна на светлые отношения! От прикосновения руки Патрика в кровь Элен выплеснулись эндорфины. Она знала все о науке любви и о том, как в ее мозгу образуется «биохимия любви» — норэпинефрин, серотонин и дофамин, — но это совершенно не значило, что она не воспринимала и многое другое.

Итак, теперь все ее карты на столе.

— А что заставило тебя заговорить об этом сегодня? — спросила Элен. Большой палец Патрика описывал круги по ее ладони. Сорока-воровка кашу варила, деток кормила... — О твоей преследовательнице?

Палец Патрика замер.

— Я ее видел, — после паузы бросил он.

— Ты ее видел?! — Взгляд Элен стремительно обежал зал ресторана. — Хочешь сказать — здесь?

— Сидела за столиком у окна. — Патрик качнул головой, подбородком указывая куда-то за плечо Элен. Та хотела обернуться и посмотреть, но Патрик добавил: — Не беспокойся. Она уже ушла.

— Но что она делала? Просто... наблюдала за нами?

Элен отметила, как бешено заколотилось ее сердце. Она не была уверена в том, что чувствует в данный момент: испуг? Может быть, легкое возбуждение?

— Набирала сообщение на телефоне, — устало ответил Патрик.

— Сообщение тебе?

— Может быть. Я выключил мобильник.

— Хочешь проверить, что она написала?

Элен самой этого хотелось.

— Не особенно, — признался Патрик. — То есть, вообще-то, совсем не хочу.

— А когда она ушла?

Если бы Элен узнала обо всем раньше, то могла бы увидеть ту женщину.

— Когда я пошел в туалетную комнату, она отправилась за мной. Мы обменялись парой слов в коридоре. Потому-то меня и не было так долго. Она сказала, что сейчас уйдет, и действительно исчезла, слава богу.

Так, значит, она должна была пройти мимо! Элен порылась в памяти, припоминая проходивших женщин, но ничего не обнаружила. Черт побери, похоже, это случилось как раз в тот момент, когда она занималась самогипнозом!

— И что она сказала?

— Всегда разыгрывается один и тот же спектакль — как будто мы случайно встретились. Ты бы могла предположить, что она выглядит как настоящая сумасшедшая, ну, ты понимаешь, о чем я, но она кажется такой нормальной, такой собранной. И заставляет

меня усомниться в самом себе, как будто я все выдумал. Она вполне успешно делает карьеру. Уважаемая особа. Можешь ты в такое поверить? Я всегда гадал, что бы подумали ее коллеги по работе, если бы узнали, чем она занимается в свободное время. Ну, в любом случае... Можем мы поговорить о чем-нибудь более приятном? Как тебе рыба?

Ты что, шутишь? Элен совсем не желала говорить о чем-то другом. Ей хотелось узнать все подробности. Хотелось выяснить, что происходит в уме бывшей. Обычно она понимала, как поведет себя женщина в той или иной ситуации. Элен была «женщиной для женщин». Ей нравились женщины, а вот мужчины зачастую ставили ее в тупик. Но преследовать своего экс-возлюбленного в течение трех лет? Может, она психопатка? Или он очень плохо с ней обращался? Или она до сих пор его любит? И как она сама оценивает собственное поведение?

— Рыба просто отличная, — сказала Элен.

Она пыталась подавить в себе жажду выяснить всю подноготную. Это выглядело бы немножко невежливо, ведь ясно же, что Патрику все это не доставляет удовольствия. Элен осознавала, что это один из ее недостатков: жадное любопытство к чужой личной жизни.

— А кто сегодня присматривает за твоим сыном? — спросила она, помогая Патрику сменить тему.

— Моя мать, — ответил он. Его лицо смягчилось. — Джек обожает бабушку. — Потом он моргнул, посмотрел на наручные часы и сказал: — Вообще-то, я обещал позвонить ему, чтобы пожелать спокойной ночи. Он не очень хорошо себя чувствовал, когда я уходил. Ты не возражаешь?

— Конечно нет.

Патрик достал из кармана мобильник.

— Обычно я не звоню ему, когда выхожу куда-то по вечерам, — продолжил Патрик, включая телефон. — Я хочу сказать, он уже вполне самостоятельный малыш.

— Это замечательно.

— Но недавно он сильно простудился, потом простуда перешла в воспаление легких, и сейчас он принимает антибиотики.

— Да все в полном порядке!

Элен хотелось послушать, как Патрик разговаривает со своим маленьким сынишкой.

Его телефон издал нервный сигнал.

Патрик скривился:

— Сообщение пришло. То есть сразу несколько.

— От твоей... э-э... преследовательницы? — Элен старалась не смотреть на телефон со слишком уж откровенной алчностью.

Патрик глянул на экран:

— Да. Как правило, я их просто удаляю, не потрудившись даже открыть.

— И правильно. — Тут Элен не удержалась: — Это потому, что они слишком мерзкие?

— Иногда. Но чаще просто жалобные.

Элен наблюдала за лицом Патрика, когда он просматривал тексты сообщений, нажимая на кнопку большим пальцем. Он саркастически улыбался, как будто участвовал в неприятной словесной перепалке с каким-то врагом. Округлил глаза. Прикусил нижнюю губу.

— Хочешь посмотреть? — Он развернул мобильник экраном к Элен.

— Конечно, — небрежным тоном ответила Элен.

Она наклонилась вперед и стала читать, а Патрик прокручивал тексты.

Как странно видеть тебя здесь! Я за столиком у окна.

Ты отлично выглядишь в этой рубашке.

Ты заказал свиную грудинку? О чем только ты думал?

А она хорошенькая. Вы неплохо смотрите вместе. Сексуально.

Элен отшатнулась.

— Извини, — сказал Патрик. — Не следовало показывать тебе это сообщение. Но я обещаю, тебе ничто не грозит... в смысле, никакая опасность.

— Нет-нет, все в порядке. — Элен кивнула на телефон. — Давай дальше.

Приятно было наткнуться на тебя сегодня вечером. Не выпить ли нам кофе как-нибудь на днях?

Я люблю тебя. Я ненавижу тебя. Я люблю тебя. Я ненавижу тебя. Нет, я определенно ненавижу тебя.

Элен откинулась на спинку стула.

— И каково твое профессиональное мнение? — спросил Патрик. — Она безусловно сумасшедшая, ведь так? Не забывай, наши отношения прекратились три года назад!

— А как долго они продолжались? Сколько времени вы были вместе?

— Два года. Ну, пожалуй, три. Она стала первой девушкой после смерти моей жены.

Элен хотелось узнать, как именно произошел разрыв, но вместо этого она спросила:

— А почему бы тебе просто не сменить номер телефона?

— Я бы поменял, только дело того не стоит. Я же работаю на себя. И мне необходимо, чтобы заказчики могли найти меня в любой момент. Ай, лучше я позвоню сыну. Я быстро.

Элен наблюдала за Патриком, пока он набирал номер и подносил трубку к уху.

— Это я, дружок. Как ты там? Как себя чувствуешь?.. Что я заказывал? О, свиную грудинку. — Патрик бросил на тарелку грустный взгляд. — Ну да, не слишком удачно. Но ты все-таки скажи, как ты себя чувствуешь. Принял лекарства? А бабушка чем занимается? Да неужели? Это отлично. Да. Хорошо. Ну, если очень коротко... — Патрик умолк, слушая сына. Его взгляд встретился со взглядом Элен, и Патрик подмигнул. — А это действительно так? Ладно, ладно... хорошо. Какой-то вулкан? Прыжки с парашютом? Боже... — Он продолжал слушать, постукивая пальцами по скатерти. Элен наблюдала за его рукой. Рука была чудесной. С крупными ногтями, подстриженными предельно просто. — Ладно, дружок. Слушай, ты сможешь рассказать мне остальное утром. А то я невежливо веду себя по отношению к... другу. Хорошо. Увидимся утром. Вот уж поболтаем... Да, определенно. Ну, спокойной ночи, малыш. Я тебя люблю. — Патрик дал отбой, выключил телефон и сунул его обратно в карман. — Извини. Джеку ужасно хотелось во всех деталях изложить мне фильм, который он посмотрел. Боюсь, это у него от меня.

— Похоже, — кивнула Элен.

Она ощутила приятный укол в затылке. Ей очень понравилось, как Патрик разговаривал со своим сыном: так легко, и весело, и по-мужски, и с любовью. Здорово, что утром отец и сын собирались поболтать. Элен обожала болтовню! И она пришла в восторг от того, как именно Патрик произнес: «Я тебя люблю». Это прозвучало так естественно!

Официант забрал их тарелки:

— Со свиной грудинкой все в порядке, сэр?

— Да, блюдо отличное. — Патрик поднял голову, посмотрел на официанта и улыбнулся. — Просто я оказался не так голоден, как думал.

— Могу ли я предложить вам меню десертов? Или кофе?

Патрик, вскинув брови, вопросительно посмотрел на Элен.

— Нет, спасибо, — качнула головой она.

— Спасибо, приятель, просто принесите счет, — сказал Патрик.

Элен бросила взгляд на наручные часы. Было всего десять вечера.

— У меня дома есть отличный шоколад, — проговорила она. — Ну, если ты не против зайти ко мне. И если у тебя есть время.

— Время у меня есть, — ответил Патрик, и их взгляды встретились.

Разумеется, про кофе и шоколадные конфеты они забыли. А когда занялись любовью на чистейших простынях, по крыше внезапно заколотил сильный дождь, и Элен на мгновение подумала о преследовательнице Патрика и о том, где та могла быть прямо сейчас. И не стоит ли она где-нибудь под уличным фонарем, без зонтика, и, возможно, даже не замечает, что дождевые капли стекают по ее бледному, измученному (прекрасному?) лицу. Но тут же ее охватили интереснейшие ощущения, связанные с новым возлюбленным, и они заполнили все уголки ее ума, и Элен совершенно забыла о той женщине.

В моем возрасте большинство моих друзей уже связаны долгими крепкими отношениями, а я в силу своей работы не имею возможности встречаться со многими потенциальными партнерами. Наверное, это выглядит забавно — то, что я именно так пытаюсь найти каких-то новых друзей. Я, конечно, романтик, но в то же время и реалист.

Из биографической справки на сайте знакомств, имя пользователя — Элен-68

Рано утром на следующий день Элен брела босиком по пляжу. Она закатала брюки до колен, чтобы волны могли плескаться вокруг ее ног, пока в голове крутились мысли о Патрике. Ей нравилось имя Патрик, и ничего в нем не было такого уж жеманного или сентиментального! А еще она размышляла обо всем том, что произошло накануне вечером.

Его сын. Такой милый!

Его безумная бывшая подруга. Весьма интригует! Хотя, наверное, и немножко пугает? Элен не была уверена.

Его тело. Божественное, подумала Элен, словно вдруг превратилась в экзальтированную героиню какого-нибудь старинного романа в тот самый момент, когда Патрик расстегнул свою скромную деловую рубашку в тонкую полоску. Одна только мысль о его груди вызвала в Элен короткий взрыв жаркого желания, и она прижала два пальца к губам, слегка опухшим от поцелуев.

Патрик ушел ровно в полночь. Как Золушка. При этом сказал, что, хотя его мать осталась присмотреть за Джеком и сможет устроиться на ночь в гостевой спальне, он всегда чувствует себя так, будто злоупотребляет ее добротой, если задерживается где-то допоздна.

— Я ужасно не люблю вот так спешить. Но конечно, если мы... ну, ты понимаешь... я могу предупредить ее, что вовсе не приду ночевать, — сказал Патрик, снова застегивая рубашку на широкой груди.

— Да все в порядке, — ответила Элен хриловатым ото сна голосом.

Она даже была рада тому, что Патрик уходит. Элен предпочитала лежать в постели и думать о нем, чем действительно ощущать его под боком и беспокоиться из-за того, как ее волосы будут выглядеть утром.

— Я тебе позвоню, — бросил Патрик, поцеловав ее на прощание.

Телефон Элен пискнул, давая знать о пришедшем сообщении, в шесть утра.

Когда я смогу снова тебя увидеть, скажи, пожалуйста!

Мне кажется, ты меня загипнотизировала!

Это было весьма безвкусно. Но чрезвычайно мило.

В общем, похоже, что это действительно происходило. Элен оказалась на пороге чего-то нового. В очередной раз. Она глубоко вдохнула соленый воздух, и у нее перехватило горло. На мгновение Элен ощутила тяжесть всех предыдущих разочарований.

«Пожалуйста, пусть на этот раз все получится!» — взмолилась она.

А потом уже более решительно добавила: «Ну же, дайте мне наконец перерыв!»

У Элен было трое мужчин, отношения с которыми тянулись достаточно долго: Энди, Эдвард и Джон. Иной раз Элен казалось, что она постоянно волочит за собой воспоминания об этих романах, как три старые консервные банки на веревочках.

Энди был чрезвычайно высоким молодым финансистом. Все три года, пока они были вместе, их связь казалась Элен чем-то вроде мошенничества: будто оба только делали вид, что влюблены друг в друга, но изображали это прямо-таки блестяще. Когда Энди получил назначение на должность за границей, ни один из них даже не упомянул о том, что Элен могла бы поехать с ним. И вся эта история оставила у Элен ощущение нечистоты, как будто она пообедала в «Макдоналдсе».

Эдвард был нежным, чувствительным преподавателем высшей школы. Они отчаянно, безгранично влюбились друг в друга и превратились в одну из тех пар, перед которыми лежит прямая дорога ко множеству детей и домашних животных. А потом, по каким-то сложным причинам, до сих пор не до конца понятным Элен, и ко всеобщему потрясению, между ними случился разрыв. И это было очень тяжело и болезненно.

С Джоном она познакомилась в тот день, когда ей исполнилось тридцать. А значит, мелькнула тогда мысль, он-то и есть тот самый. Это уже взаимоотношения полностью созревших людей. Джон был умным и успешным инженером. Элен восхищалась им. И только когда ее сердце уже окончательно размякло, она наконец заметила, что, вообще-то, никогда не слышала ответных слов восхищения.

Элен всегда думала об этих неудавшихся романах как... ну, как о неудачах. Но теперь ей вдруг пришло в голову, что, возможно, то были необходимые шаги на некоем предопределенном для нее пути, который вел вот к этому самому мгновению на этом самом пляже. К зеленоглазому геодезисту по имени Патрик Скотт.

Нельзя было не думать и о бывшей подруге Патрика, его преследовательнице. Саския. Необычное имя с резкими, колючими короткими слогами. Элен повертела это имя на языке, как некий новый, незнакомый фрукт. Саскии уж точно не понравилось бы, если бы она узнала, что в этот момент сердце Элен было наполнено робкой надеждой.

Элен пнула волну, пустив в воздух фонтан ледяных брызг. Ну а в действительности, что представляла собой та девушка? У нее что, совсем не было гордости? Элен сжалась от страха при мысли о том, что ее прежние любовники вдруг узнали бы, что она иной раз думает о них.

Но ведь на самом деле мысли о бывших постоянно вертелись где-то в глубине ее ума. Каждый раз, выходя из автомобиля, Элен машинально отодвигала назад водительское сиденье — ради длинных ног Энди; эта привычка осталась у нее с тех пор, когда несколько лет подряд у них была одна машина на двоих. А разрезая помидор, она думала о Джоне: он когда-то сказал ей, что, если помидор резать крест-накрест, в нем сохранится больше сока. А на второй день Рождества, в День подарков, она всегда вспоминала, что это также день рождения Эдварда.

Конечно, иначе и быть не могло, она думала о бывших. Ведь в течение какого-то времени каждый из них был тем, кто понимал ее лучше всех, ежедневно разговаривал с ней, знал, где она находится в любое время суток. Именно они оказались бы в первом ряду на похоронах, случись ей трагически погибнуть.

Иногда Элен казалось невероятно странным и неправильным то, что можно быть в очень близких отношениях с кем-то, проводить с ним каждую ночь, постоянно заниматься

вместе чем-то чрезвычайно личным, а потом вдруг обнаруживать, что ты даже не знаешь номера его телефона, места жительства или работы или что он делал сегодня, или на прошлой неделе, или в прошлом году.

Элен следила взглядом за гигантской грохочущей волной на горизонте.

Вот потому-то внезапные разрывы ощущаются так, словно с твоего тела сдирают кожу. На самом деле удивительно как раз то, что людей, похожих на Саскию, не так уж много — большинство с достоинством переживают расставания.

— Доброе утро!

Мимо прошла пожилая пара, касаясь друг друга локтями. Элен прибавила шагу, чтобы ее не обогнали какие-то старички.

Когда бабушка и дедушка Элен были живы, они обычно каждый вечер гуляли по этому пляжу, как раз перед шестичасовым выпуском новостей.

Они прожили вместе шестьдесят три года. Шестьдесят три года прогулок рядом с одним и тем же человеком, ночей в одной и той же спальне — вообще-то, как раз в той, в которой прошлой ночью Элен и Патрик занимались любовью. Теперь, когда она об этом размышляла, это показалось ей ужасным. Ей нравилось думать, что духи ее бабушки и дедушки до сих пор обитают в доме. Она надеялась, что ее бедный дед не был заперт в спальне, как в ловушке, и не стоял за пологом кровати, прикрывая глаза ладонью.

Элен прежде казалось, что она выйдет замуж совсем юной и у нее будут такие же отношения с мужем. Думала, что принадлежит к тому же типу, что и ее бабушка с дедом. Традиционная. Миленькая. Как будто милые девушки всегда находят себе милых парней. Как будто такая «приятность» и есть необходимое и достаточное условие для создания крепких отношений.

Но если честно — а достижение полного самоосознания было постоянной целью Элен, — дело не столько в «приятности», сколько в том факте, что в глубине ее души всегда жила твердая уверенность: она ничуть не похожа на собственную мать. Ее мать вырастила Элен в одиночку, причем на ее горизонте вообще не появлялись мужчины.

И тем не менее она тридцатипятилетняя женщина, ищущая мужчин в Интернете. Каждый раз, заходя на сайт знакомств, Элен чувствовала себя так, словно совершает нечто постыдное.

Неприличное для нее. Вот в чем вся трудность.

Элен вовсе не думала, что это нечто неприличное для кого-то другого, назначающего свидания через Интернет. Ох нет, все было отлично, если смотреть с позиции серой массы! Но ведь Элен помогала людям справиться с проблемами их личной жизни, помогала жить.

Вот ведь как. Она думала, что является человеком, который умеет выстроить идеальные взаимоотношения. А похоже, это совсем не так. И правда, то и дело повторяла она самой себе, почему она должна страдать из-за разбитого сердца, как ее пациенты? Отчего ей так трудно найти подходящего мужчину, как находит множество других женщин? Почему она должна тревожиться из-за того, что ее биологические часы тикают все громче, пусть даже такое выражение — всего лишь избитая фраза? И почему она сама нечто вроде избитой фразы?

Элен стыдилась своего стыда. Наказывая себя, она не скрывала своего одиночества. Она всем сообщала, что назначает встречи через Интернет. И на каждое новое неудачное свидание шла с высоко поднятой головой, с уверенным видом, и ее сердце и ум были открыты любым новым возможностям.

Иногда ей это давалось с большим трудом.

Наконец Элен добралась до каменистой бухты, возле которой всегда поворачивала обратно, и уперлась руками в бедра, тяжело дыша. Она шла куда быстрее, чем ей казалось.

Элен обернулась и посмотрела через пляж на дом своих бабушки и дедушки, ставший теперь ее домом, на стеклянную комнату, сиявшую в лучах утреннего солнца, как бриллиант, случайно прилипший к стене дома. «Потрясающе. Выглядит совершенно как бельмо на глазу», — сказала ее мать, когда увидела новую комнату, пристроенную дедом Элен к дому; и еще раз огромное спасибо выигрышу двоюродной бабушки Мэри.

Бездетная и незамужняя младшая сестра дедушки Элен, Мэри, умудрилась выиграть полмиллиона долларов в лотерею, а уже через шесть недель после этого умерла, не успев решить, что ей делать с обрушившимися на нее деньгами. Думала, может, купить новый телевизор? Ну, из этих, с плоскими экранами? Но ведь ее любимые сериалы от этого не изменятся, разве не так? Просто экран станет побольше. А после смерти Мэри все ее деньги перешли к бабушке и деду Элен и были использованы на пристройку к дому стеклянной комнаты, установку газового отопления и совершавшийся ежегодно до самой их смерти десятидневный круиз. Еще выигрыш двоюродной бабушки Мэри повлиял на их решение оставить дом Элен, хотя ее мать обитала в столице. Это устроило всех, потому что родительница Элен не имела ни малейшего желания вернуться в дом своего детства. «Да его никакими деньгами не спасти», — любила повторять она, будто от нее ожидали экспертного мнения.

Это был странного вида дом, построенный в семидесятых и вобравший в себя все модные элементы, какие только могло предложить то десятилетие: голые балки и кирпичи, винтовая лестница из нержавеющей стали, зеркальные арки, лохматые ковровые покрытия цвета зеленого лайма и ярко-оранжевая кухня. Но Элен всегда любила его. Ей казалось, что этот дом обладает волнующим обаянием в стиле ретро. Она не стала ничего менять, только устроила перед ним небольшую парковку для своих клиентов. Когда ее карьера гипнотерапевта уже позволяла существовать «вполне пристойно», как говорила всем ее мать, в равной мере и разочарованная, и гордая, Элен все еще снимала квартиру и кабинет. Переселение же в этот дом и использование бабушкиной комнаты для шитья в качестве лечебного кабинета означало, что теперь наконец Элен сможет наслаждаться комфортной жизнью.

Внимание Элен привлек белый камень на песке, и она наклонилась поднять его. Камень имел приятную для руки форму и поверхность; он мог оказаться полезным для одного из пациентов.

Элен выпрямилась и посмотрела на океан. Ее охватило чувство свободы, словно она только что сняла тугий корсет. Люди, как правило, даже самим себе не признаются в том, как отчаянно им хочется любви. И этот мужчина предназначался для охлаждения чувств, а не для их подогрева. Элен и сама была немного смущена глубиной своего счастья. Слава богам, никто не мог видеть пробок от шампанского, стрелявших в ее голову.

Когда она вернется домой, то ответит на сообщение Патрика: он предложил вечером посмотреть какой-то фильм. Не слишком оригинально, и все же это самое милое, чем можно заняться с новым другом. Только нужно постараться не проявлять чрезмерного восторга.

Элен подошла ближе к воде и зарыла пальцы ног в песок. Она вспомнила, как ее пальцы ощущали спину Патрика, как ее губы исследовали его ключицы.

Прости, Саския. Думаю, я его удержу.

Итак, он переспал с гипнотизершей.

Я в этом уверена. Поняла, как только увидела, как его ладонь легла на ее поясницу, когда они вышли из кинотеатра. Ладонь, знаете ли, лежала низко и уверенно, обозначая обладание.

Он думает, что хорош в постели. Ну, в этом виновата его жена. Колин как-то сказала ему, что Патрик — выдающийся любовник. А потом она умерла. И теперь каждое когда-либо сказанное ею слово превратилось в истину в последней инстанции. Слово Колин.

И еще Колин когда-то говорила Патрику, что стиральный порошок должен полностью раствориться в воде до того, как ты положишь туда вещи для стирки, хотя большинство людей просто высыпают его поверх белья. Но Колин утверждала, что одежда отстирается лучше, если порошок как следует растворится. В общем-то, так оно и есть. И я до сих пор так делаю, если честно. Хотя иногда это раздражает, поскольку приходится ждать, пока машина наполнится водой, и я иной раз просто ухожу и забываю о ней, а потом внезапно вспоминаю, что так и не положила внутрь белье.

Но Патрик действительно был весьма хорош в постели. Наверное, и до сих пор таков. Вероятно, и теперь говорит те же слова и двигается точно так же.

Думаю о том, как он лежит в постели с ней, вдыхает аромат сандалового дерева, проводит ладонями по ее гладкой, чистой коже.

Хотелось бы на это посмотреть. Очутиться там, сидеть на краю кровати, наблюдать за тем, как он склоняет голову к ее груди. Кстати, грудь у нее больше, чем у меня. Полагаю, ему это нравится.

Интересно, может, она даст ему сеанс гипноза бесплатно?

Ее голос звучит, как теплый мед, капающий с ложки.

Прошлым вечером они смотрели фильм с Расселом Кроу. Неплохой, кстати. Патрику бы следовало знать, что там произойдет, ведь фильм поставлен по мотивам сериала, который мы обычно смотрели по понедельникам вечером. Я все гадала, помнит ли он это, но готова была поспорить, что не помнит, и потому отправила ему сообщение с напоминанием.

После кино они поужинали в том самом тайском ресторанчике на углу, где он сказал мне, что полюбил меня.

Я все гадала, сидели ли они за тем же самым столиком.

Я все гадала, вспомнил ли он хоть на секунду. Уж конечно, я стою хотя бы мимолетной мысли.

Мне не удалось попасть в ресторан. Там у них нужно заказывать столики заранее. Должно быть, это сделала она, Патрик бы никогда и не подумал о таком. Потому я отправилась в какое-то кафе и написала ему целое послание, просто пытаюсь объяснить, заставить его увидеть, — и засунула его под «дворники» автомобиля Патрика.

Я с нетерпением жду своей следующей встречи с гипнотерапевтом.

«Каким человек себя воображает, таким он и будет, он есть то, чем себя представляет». Так говорил Парацельс в шестнадцатом веке. Так что идея безграничных возможностей разума не нова, леди и джентльмены. С добрым утром.

Вступление к лекции, прочитанной Элен О'Фаррел в Клубе деловых людей за завтраком в августе; к сожалению, оно не было услышано большинством присутствующих из-за неполадок с микрофоном

— Нам пора идти, — зевнув, сказала Элен.

— И правда пора, — зевая, откликнулся Патрик.

Ни один из них даже не пошевелился.

Было уже почти одиннадцать часов вечера четверга, и они валялись, растянувшись на коврике для пикников на травянистом склоне прямо под мостом Харбор. До этого ходили в театр в Киррибилли и смотрели какую-то глупую постановку. Потом поужинали в крошечном, битком набитом кафе, где готовили только лапшу, а после прогулялись по дощатому тротуару к порту, наблюдая за энергичным движением на мосту, под которым сновали ярко освещенные паромы. Они решили, что сегодня не будут бродить допоздна и Патрик поедет домой: за его сыном присматривала соседская девочка-подросток, а у нее на следующий день занятия с утра, так что Патрику было неудобно слишком ее задерживать. Но все равно ни одному из них не хотелось, чтобы этот вечер кончился.

Они встречались уже три недели, и пока все казалось им новым и сияющим. Даже ленивые голоса в этот самый момент имели некий отсвет самосознания: «Видишь, вот так я разговариваю, когда очень устаю!»

— У тебя завтра напряженный день? — спросил Патрик.

— Нет, самый обычный, — ответила Элен. — Пять встреч. Для меня достаточно. Я уже знаю, что, если придется принимать больше клиентов, я по-настоящему истощаюсь.

Элен остро ощущала чувство сопротивления, даже самозащиты, возникавшее у многих ее знакомых. Презрение Джона к ее профессии всегда было едва уловимым, как некий легкий аромат, который Элен не могла идентифицировать, а следовательно, никогда и не могла заблокировать. Он был даже более страстным атеистом, чем ее мать. Его любимая книга — «Иллюзия Бога». «Предъяви мне эмпирические доказательства», — говорил он. Когда бы Элен ни заговаривала о своей работе, Джон всегда склонял голову набок и смотрел на Элен с терпеливой добродушной улыбкой, словно она была очаровательной маленькой девочкой, болтающей что-то о принцах и феях. А потом бросал какие-нибудь шутливые замечания, поддразнивая Элен, но никогда не заходя так далеко, чтобы отрицать существование волшебных принцесс, но все это лишь для развлечения присутствующих взрослых. «Элен у нас бакалавр в области гипнотерапии», — обычно говорил он людям. Это такая саркастическая форма сообщения о том, что у Элен нет никакой ученой степени, поскольку, конечно же, такой вещи, как гипнотерапия, просто не существует. Элен начинала когда-то изучать психологию, но бросила дело на полпути, чтобы заняться гипнотерапией. Ее мать до

сих пор страдала из-за этого, оплакивая решение дочери.

И только тогда, когда они с Джо расстались, Элен поняла, как отчаянно она сдерживала себя все время их романа. Каждый раз говоря что-либо, она словно бы одновременно пыталась не воспринимать самое себя слишком уж всерьез: «Эй, я вполне могу выдержать немножко беззлобных шуток!» И в то же время оценивала себя и свое существование в целом: «Да, я такая, и это хорошо. Да, я верю в себя и в то, что говорю. Я не легкомысленная пустышка... ну, разве что иногда».

— Это изматывает, потому что... — Патрик почесал щеку и нахмурился, глядя на звезды. — А... как... как именно это изматывает? Почему?

Он явно был озадачен, но вопрос прозвучал вполне уважительно.

— Наверное, потому, что я никогда не могу работать по шаблону, — ответила Элен. — Я должна полностью сосредоточиться на клиенте. И не пользуюсь предварительными записями. Я каждый раз создаю вводную...

— Вводную?..

— Это техника, которой я пользуюсь, чтобы воздействовать на клиента, подготовить его к гипнозу. Например, предлагаю представить, что человек спускается по длинной лестнице или постепенно расслабляет тело. Я учитываю интересы клиента или его образование, опыт, как правило, исхожу из того, к чему человек более склонен: к образному мышлению, или к анализу, или к чему-нибудь еще.

— А у тебя есть какие-то особо трудные клиенты? — Патрик перевернулся на бок и подпер голову рукой. — Такие, которых трудно загипнотизировать?

— Да почти каждого можно загипнотизировать до той или иной степени, — ответила Элен. — Но у некоторых людей больше таланта к этому, я так полагаю, потому что у них сильное воображение и они способны по-настоящему сосредоточиться и визуализировать.

— Хм... Интересно, а у меня есть к этому талант? — пробормотал Патрик.

— Давай проведем тест на внушаемость, — предложила Элен.

Она встала на колени, слегка развеселившись; с Джоном она никогда бы не стала делать ничего подобного.

Патрик посмотрел на нее снизу вверх:

— Это вроде теста на доверчивость?

— Нет-нет, это просто небольшое упражнение, чтобы выявить силу твоего воображения. Расслабься! Тут нет ничего необычного. Ты, возможно, уже делал такое на каких-нибудь конференциях по продажам или где-нибудь еще.

— Ладно. — Патрик тоже встал на колени, лицом к Элен, и храбро расправил плечи. Запах его лосьона после бритья был все еще достаточно нов, чтобы вызывать у нее волнение. — Мне закрыть глаза?

— Нет. Просто сложи руки вот так. — Элен сложила ладони, как для молитвы, а потом подняла указательные пальцы, чтобы они выпрямились в линию, но не соприкасались. В этом было нечто весьма, весьма сексуальное. — А теперь представь, что некая мощная магнетическая сила тянет кончики твоих пальцев друг к другу. Ты борешься с ней, но воспротивиться не можешь. Наблюдай за пальцами. Сила нарастает. Еще нарастает. Она слишком велика... вот.

Пальцы Патрика сблизились и соприкоснулись.

— Видишь? Твое подсознание поверило, что эта сила реальна.

Патрик уставился на собственные пальцы, все еще прижатые друг к другу.

— Ну да. Я хочу сказать, я не знаю. Наверное, она ощущалась как реальная, но это просто потому, что я слушал тебя и делал то, что ты говорила.

Элен улыбнулась:

— Именно так. Любой гипноз — это самогипноз. Никакой магии.

— Прodelай еще что-нибудь.

— Хорошо. Только на этот раз закрой глаза и вытяни руки перед собой.

Патрик так и сделал, и Элен на мгновение умолкла, рассматривая его лицо, освещенное луной.

— Эй!.. — окликнул он ее.

— Извини. Все в порядке. Представь, что я привязываю к твоему правому запястью огромный воздушный шар, наполненный гелием. Он тянет твою руку вверх. Почувствуй эту тягу. А теперь в твою левую руку я вкладываю ведро. Оно очень тяжелое, потому что наполнено тяжелым влажным песком с пляжа.

Правая рука Патрика взлетела вверх, а левая упала вниз. То ли он это сделал, чтобы доставить Элен удовольствие, то ли он на самом деле был идеальным объектом для гипноза.

— Открой глаза, — предложила Элен.

Патрик распахнул глаза и посмотрел на собственные руки.

— Хм... — только и произнес он.

И тут же протянул руки вперед и обхватил Элен за талию. Он опустил голову, словно собираясь поцеловать Элен, но вдруг замер и тут же резко развернулся, чтобы посмотреть назад.

— В чем дело? — спросила ошеломленная Элен.

— Извини, — ответил Патрик. — Показалось, я что-то слышал. И подумал, что это она.

Вопроса, кто такая «она», уже не возникало. Элен огляделась, всматриваясь в тени под мостом, взглядом выискивая затаившуюся женщину. И отметила для себя, что ее охватило легкое возбуждение: приятная волна адреналина прокатилась по телу при мысли о том, что преследовательница Патрика втайне наблюдает за ними.

— Ты ведь сегодня ее не видел? — спросила Элен.

В другой вечер, когда они ходили в кино, а потом ужинали, Патрик ни словом не упомянул о том, что заметил где-то Саскию, пока они не вернулись к машине и не нашли ее письмо, засунутое под «дворники».

Патрик осмотрелся вокруг, его глаза сузились. Потом снова сел.

— Нет, не видел. Думаю, решила дать нам выходной. — Он обнял Элен. — Прости, мне очень жаль. От всего этого я иногда становлюсь нервным.

— Могу вообразить, — с сочувствием произнесла она.

Похоже, за опорой моста что-то шевельнулось. Нет. Просто игра света, черт побери!

— Значит, вся твоя работа построена на силе ума.

— Именно так. На силе подсознания.

— Я в это верю, не пойми меня неправильно... — начал Патрик.

Ну вот, приехали. Желудок Элен сжался в тугой комок.

— Но есть ведь какой-то предел, какие-то границы этого, разве не так?

— Что ты имеешь в виду?

Патрик не Джон, одернула она себя. Он просто разбирается, формирует собственное мнение. Успокойся.

— Я только хочу сказать, это ведь не может излечить все подряд. Когда Колин — она

была моей женой... когда она заболела, люди постоянно ей твердили, что нужно думать только о хорошем, не допускать дурных мыслей. Как будто она могла просто мыслями прогнать рак. А когда она уже умерла, как-то раз по телевизору я видел женщину, которая говорила: «Я отказалась верить, что рак может меня победить. Видите ли, у меня двое маленьких детей. Я должна была жить». Меня это взбесило. Словно Колин сама виновата в том, что умерла. Словно ей нужно было просто постараться как следует.

Так, вот тут надо поосторожнее. Элен открыла было рот, но снова его закрыла.

Патрик положил ладонь на ее колено.

— Кстати, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя на слишком зыбкой почве, если вдруг разговор зайдет о моей жене. Все в порядке. Я уже справился. Обещаю, я не собираюсь сваливать на тебя всякое такое.

«Хмм...» — мысленно протянула Элен.

— Моя мать — терапевт, — сказала она. — Так что...

Так что — что? Так что благодаря ей у меня есть кое-какие медицинские представления? Но моя мать, вообще-то, совсем не верит в то, что я делаю...

— Я занималась неизлечимо больными клиентами, чтобы облегчить их боли или снять стресс, но я бы никогда, никогда не стала им обещать, что вылечу их.

— Я совсем не это имел в виду, — сказал Патрик, его ладонь сжала колено Элен.

— Знаю. — Элен накрыла его руку своей, гадая, не видит ли он прямо сейчас перед собой лицо покойной жены.

Она не стала говорить Патрику, что сама всегда верила: мозг способен проявить чудесные скрытые силы.

«Предъяви эмпирические доказательства», — прозвучал в ее голове голос Джона.

Какое-то время Элен и Патрик молчали. С другой стороны залива до них долетел гудок парома. Позади них послышались чьи-то шаги. Они оба обернулись и увидели какую-то женщину в темном деловом костюме и белых туфлях, шедшую по дорожке в их сторону.

— Это не... — заговорила Элен.

— Нет, — ответил Патрик, и его лицо разгладилось, когда на женщину упал свет уличного фонаря.

Они снова умолкли. Элен думала о том, насколько плотно она заперла огромную часть самой себя за долгие годы жизни с Джоном. Но если вот эти новые отношения продолжатся, ей необходимо распахнуть закрытые двери. Впустить внутрь свет! Воздух! И... Стоп, хватит этих домашних метафор!

— Мне действительно нравится то, чем я занимаюсь, — сказала она Патрику. Однако интонация самообороны продолжала звучать в ее голосе. Элен сделала сознательное усилие, чтобы прогнать ее, чтобы просто констатировать факт. — И я делаю свое дело хорошо.

Патрик искоса бросил на нее веселый взгляд:

— Так ты королева гипнотерапии?

— Да, я такая.

— Надо же, какое совпадение! А я король геодезистов.

— Правда?

— Ну, вообще-то, нет, — вздохнул Патрик. — Я скорее вчерашний день профессии.

— Почему?

— Я не слишком люблю все эти новые технологии. Я до сих пор предпочитаю делать чертежи и наброски от руки. А от этого работа продвигается медленно. Не так эффективно.

Не выдерживаю конкуренции, как любит напоминать мне младший брат.

— Он тоже геодезист?

— Нет, он графический дизайнер, но он весьма продвинут. А ты?

— Вообще-то, нет, но мне нравится «Гугл». Я почти каждый день в него заглядываю. «Гугл» — мой оракул.

— И что ты там сегодня нагуглила?

Сегодня она нагуглила «свидание со вдовцом: избегайте ям и ловушек» и еще «приемные дети — сплошное несчастье?», за чем последовало «лечение лопнувших сосудов вокруг носа».

— Ох, да ничего. — Элен неопределенно взмахнула рукой. — Нечто вполне тривиальное. — Она вернулась к прежней теме: — А почему ты решил стать геодезистом?

— Карты, — сразу ответил Патрик. — Я всегда обожал саму идею карт, мне нравится точное знание того, где я нахожусь по отношению ко всему остальному. Мой дядя-геодезист еще в детстве мне говорил: «Патрик, у тебя отличная способность к ориентации, ты можешь стать хорошим геодезистом». Я его спрашивал, что делают геодезисты, и он отвечал примерно так: геодезисты определяют местоположение вещей на земной поверхности по отношению ко всем другим вещам над этой поверхностью или под ней. И это застряло у меня в голове и по какой-то причине сработало. Ну, решил я, этим и буду заниматься.

— А у меня, должно быть, никакой способности к ориентации вовсе нет, — заметила Элен. — Я вообще не представляю, где нахожусь по отношению к чему-либо. Сейчас, например, я бы не могла показать направление к дому.

Патрик ткнул куда-то за ее плечо:

— На север. В ту сторону.

— Тебе виднее.

— У тебя есть какой-нибудь листок бумаги? — спросил Патрик. — Я тебе нарисую карту.

У Элен всегда имелась в сумке замечательная тетрадь в твердом переплете и авторучка, чтобы сразу записать какую-нибудь интересную мысль, пришедшую в голову, идею для работы и так далее. Она осторожно вырвала из тетради листок. Ей не хотелось, чтобы он прочитал что-нибудь из ее случайных заметок; они по большей части были весьма несдержанными.

Патрик достал из кармана тонкую золотую ручку, перьевую:

— «Паркер» моего дедушки. Я бы за ней даже в горящий дом ринулся.

Он положил листок бумаги на ноутбук Элен, пристроил компьютер на колене и изобразил в углу старомодный компас. А потом принялся быстро рисовать очертания залива, со всеми его бухточками и мысочками. Затем добавил паромы и яхты, мост Харбор и здание оперы. Перед глазами Элен как будто возникала старинная драгоценная карта.

— Вот здесь мы ужинали. — Патрик нарисовал маленький ресторан. — А здесь мы смотрели ту ужасную пьесу. А теперь мы как бы спускаемся к северному пляжу... — Патрик добавил к рисунку двухэтажный домик. — И вот он, твой дом. — Патрик написал: «Гипнотический дом Элен». — А теперь мы возвращаемся к зеленому северному берегу — и вот тут мой дом. — Он написал: «Неопрятная мужская лачуга Патрика и Джека».

Почерк у Патрика оказался прекрасный; он напоминал о другом, более элегантном веке.

Элен еще не бывала в его доме. И гадала, в самом ли деле это лачуга.

— А вот здесь мы встретились в первый раз. — Патрик продолжал рисовать. — Так,

думаю, теперь тебе ясно положение всех вещей. Ох, кроме вот этого... — Он изобразил маленький крестик возле порта и написал: «МЫ ЗДЕСЬ».

— Это самая красивая карта из всех, что я когда-либо видела, — искренне сказала Элен.

Она прежде вообще никогда не интересовалась картами, но уже знала, что вот эту сохранит навсегда.

Легкая тень мелькнула на лице Патрика. Это произошло так быстро, что Элен не смогла бы сказать, была ли это печаль или гнев, а может быть, смущение, а может быть, ей вообще это почудилось.

А потом он улыбнулся Элен:

— На этот раз бесплатно, дорогая.

И сердце Элен растаяло и растеклось.

* * *

Я храню эту коробку.

Иногда я думаю, что если бы просто выбросила ее, то смогла бы остановиться. Однажды я зашла так далеко, что вынесла ее к мусорному контейнеру. Открыла крышку контейнера и ощутила вонь гниющей пищи, услышала гудение мух, и тогда я подумала: «Но это же не мусор, это было моей жизнью».

Этим вечером я их потеряла. Они направлялись куда-то то ли в Милсонс-Пойнт, то ли в Киррибилли. Но я проголодалась, а потому не стала кружить по району в поисках его автомобиля, просто отправилась домой и съела тост с сардинами, сидя перед телевизором: шел «Детектив Рапш», коробка же стояла на полу рядом со мной.

Как только начинался перерыв на рекламу, я совала руку в коробку и доставала из нее что-нибудь наугад. А потом внимательно рассматривала вещицу, словно это некая улика или разгадка, словно я была одним из детективов и пыталась распутать тайны прошлого.

Поздравление с днем рождения, открытка до сих пор плотная и яркая. Ничуть не поблекла. Она могла бы быть прислана мне вчера.

Дорогая Саския!

Твои мальчики поздравляют тебя с днем рождения.

Мы тебя любим.

Патрик и Джек. хх

Фотография: я и Джек с макетом одного из наших городов. Мы тратили многие часы на сборку этих макетов. Я раскладывала картонную основу на столе в столовой, и мы строили дороги, и окрестности, и светофоры. Магазины и жилые дома. Мы по многу дней тратили на каждый из городов: Джексвилль, Джекленд, Джектаун. Мне точно так же нравилось создавать эти города, как и Джеку. Как будто мы были градостроителями без политиков или архитекторов с их бесконечными документами.

Посадочный талон на самолет в Квинстаун, Новая Зеландия. Мы с Патриком летали туда на неделю, чтобы покататься на сноубордах. А за Джеком присматривала его мать. Я помню, как Патрик остановился, чтобы поцеловать меня, когда мы возвращались выпить горячего шоколада. Теплые губы; холодные снежинки падают вокруг нас, легкие и беспечные.

Карта, которую Патрик начертил для меня, когда объяснял, как добраться до офиса застройщика неподалеку от аэропорта.

Я помню, как сказала ему: «Это самая красивая карта из всех, что я когда-либо видела».

В этом акте «преследование» трактуется как следование за персоной, или наблюдение, или частое появление вблизи, или приближение к месту нахождения или жительства, службы или работы или в любом другом месте, где бывает объект преследования по деловым причинам либо на отдыхе.

Раздел 8 Акта о правонарушениях (домашнее и личное насилие)

— Так, значит, она за вами постоянно таскается? Везде? Да как такое возможно?

— Ну, не совсем везде. Но в последний раз, когда мы были в кино...

— Может, она там случайно оказалась?

— Возможно, но она пыталась пройти в тот же самый ресторан, а потом оставила письмо для него под «дворниками» его автомобиля, только он не стал его читать. Она явно ждала за углом у дома Патрика и поехала за его машиной. Он говорит, что если едет куда-то в новое место, то Саския его частенько теряет, но если маршрут обычный — вроде кинотеатра в Креморне, то она находит его без труда.

— Черт побери!

— И я о том же.

— Должно быть, для тебя это ужасно. Это портит прекрасное время самого начала отношений. Вам бы нежно смотреть друг другу в глаза, а не оглядываться по сторонам в поисках этой сумасшедшей бывшей.

— Да я не против. Правда-правда. Мне это кажется даже интересным.

— Ты чокнутая.

Элен рассмеялась от категоричности тона Джулии и лениво потянулась. Было субботнее утро, и они только что поплавали в местном бассейне. А теперь лежали на белых полотенцах в волнах жара сауны. Ноги и плечи Элен болели после плавания. Джулия всегда заставляла ее плыть энергичнее и быстрее, чем она стала бы делать это в одиночку. Элен ощущала капли пота, скользившие по всему телу: по спине, по ногам. Она легко провела ладонями по бедрам и почувствовала скользкую, влажную кожу. Когда начинаются новые отношения, никаких проблем с недостатком внимания. Все идет само собой. Сплошной секс. Сплошные биохимические реакции во всем теле.

И сплошная положительная реакция. Вот что самое прекрасное во влюбленности. Патрик выказывал высочайшее одобрение ко всему новому, что он узнавал о теле Элен, о ее прошлом, о ее личности. Это заставляло Элен чувствовать себя не просто более сексуальной, но и более забавной, сообразительной, милой, доброй, во всем более совершенной. Она непобедима! Ее жизнь, похоже, стала течь исключительно гармонично, словно она достигла просветления. Ее клиенты были милы и благодарны, ее друзья восхитительны, ее мать ничуть не разочаровывала. «Так когда же я с ним познакомлюсь?» — спросила она по телефону, и ее голос звучал тепло и радостно, звучал так, как и должен предположительно звучать голос нормальной матери. Что бы ни захотелось Элен купить в продуктовом магазине, оно тут же оказывалось на полке прямо перед ней, огни светофоров менялись на

зеленый, когда она подъезжала к перекресткам, ключи от машины, солнечные очки и сумочка послушно и добровольно укладывались на столик в прихожей. Этим утром у нее был всего час на то, чтобы заехать в банк и химчистку, и Элен не только все успела, но у нее еще и осталось время, и все, с кем ей пришлось иметь дело, были просто очаровательны. Она даже весьма эмоционально поговорила о погоде с кассиром в банке. Та оказалась родом из Великобритании и считала, что зимы в Австралии просто божественны, и Элен охватило чувство бесконечной гордости, как будто она сама, своей непобедимостью, обеспечивает австралийский климат.

Вот если бы она могла запечатать эти чувства в какую-нибудь бутылку и заставить их сохраниться навсегда! Вечно они продлиться не могли, и рациональная часть ума Элен знала это, но ее сердце, ее глупое сердце весело щебетало: «Ах, если бы это могло быть! Почему бы и нет? Ведь ты сейчас именно такова! Твоя жизнь такая с этого момента и навсегда!»

— Я бы никогда не стала вот так унижаться, — сказала Джулия.

Что? Ох! Та женщина.

— Ну, полагаю, она просто не в силах остановиться. — В этот момент Элен переполняло мягкое сострадание ко всему человечеству.

Джулия фыркнула. Подруга лежала на скамье напротив Элен, намотав полотенце на голову на манер тюрбана. У нее было длинное, худощавое, атлетическое тело и очень светлые вьющиеся волосы. Она приближалась к эталону красоты. Когда Элен шла рядом с Джулией по улице, то видела откровенно восхищенные взгляды мужчин, которыми те провожали Джулию. К несчастью, красота ее подруги, похоже, привлекала лишь определенный тип мужчин: тех, кто высоко ценил качество и был готов хорошо платить за него. Проблема в том, что подобные экземпляры постоянно обновляли свои компьютеры, свои автомобили и женщин. Такова была их натура. Они были образцовыми потребителями, идеальными для экономики. После почти пяти лет брака муж Джулии Уильям решил, что теперь самое время обзавестись последней моделью женщины: двадцатитрехлетней брюнеткой.

Элен всегда нравилось думать, что мужчины того типа, которые тянулись к ней самой, автоматически превосходят тех, что липнут к Джулии, поскольку они не позволяли рекламе определять за них, что прекрасно, а что нет. Ей казалось, они не поверхностные, все сплошь индивидуальности. К сожалению, не имелось серьезных подтверждений этой теории, так как ее история отношений была не менее печальной, чем история подруги.

Вообще-то, когда она начинала копать глубже, то видела: вся эта теория — просто способ улучшить собственное самочувствие, потому что большинство мужчин не ощущали потребности бросить на нее второй взгляд.

Уильям на самом деле был настоящей задницей. Хотя, если честно, она почти влюбилась в него в первые дни знакомства.

— Где ее женское самоуважение, самолюбие? — сердито бросила Джулия. — Просто иди дальше, и все! Она заставляет всех нас выглядеть неловко!

В голосе Джулии прозвучала настоящая злость, словно ее лично оскорбили.

— Ты хочешь сказать, она заставляет женщин выглядеть дурно? — уточнила Элен. — Обычно ведь преследованием занимаются мужчины. И тут все в порядке. А она просто демонстрирует, что и женщины могут кого-то преследовать так же успешно, как мужчины.

Джулия издала губами звук «пфф!». Она села, протянула длинную руку, схватила ковш, стоявший рядом с бадейкой воды, и плеснула на горячие камни. Раздалось громкое шипение, сауна еще сильнее наполнилась паром.

— Джулия, — задыхнулась Элен, — и так уже дышать нечем!

— Ничего, это на пользу, — ответила подруга, потом снова улеглась на скамью и спросила: — А как зовут эту особу?

— Саския, — сообщила Элен, с трудом вдыхая горячий тяжелый воздух.

Она почему-то смутилась, произнося вслух имя, точно это было имя какой-нибудь знаменитости.

— А ты ее саму уже видела? Или, может быть, ее фотографию?

— Нет. Патрик и не говорит мне, что заметил ее, пока та не исчезнет. Я ужасно хочу узнать, как она выглядит.

— Может быть, она существует только в его воображении и это он сумасшедший?

— Нет, не думаю.

Патрик не сумасшедший. Он чудесный.

— Значит, скорее всего, именно он прервал их отношения.

— Патрик лишь сказал, что все шло так, как должно было идти.

— В общем, он разбил ей сердце, — сурово заключила Джулия.

— Ну, я не...

— И не о чем тут говорить. Такое случается со всеми нами. Патрику бы следовало получить запретительный ордер, подать на нее в суд. Он это сделал?

Джулия была убеждена, что решение можно найти в любом случае.

— Он вроде обращался в полицию, — начала было Элен, но тут же умолкла и не стала вдаваться в подробности.

Она не была уверена в том, что Патрик действительно рассказал ей все до конца, по-настоящему объяснил, почему он не стал доводить дело до суда.

— В любом случае эта глупая женщина просто должна взять себя в руки, — заключила Джулия таким тоном, будто выполнение этой инструкции зависело от Элен.

— Да.

Некоторое время они лежали молча. Элен прикидывала, что бы ей приготовить вечером на ужин Патрику. Он уже однажды готовил для нее — в тот вечер, когда Джек оставался ночевать у какого-то своего друга. Чудесный простой ужин, ничего слишком сложного, и все оказалось отлично, потому что Элен была сыта по горло мужчинами, которые воображали себя знатоками кухни. Поначалу это выглядело как ценное качество, но потом они просто начинали истекать тщеславием и постоянно болтались на кухне, критикуя способы нарезки чеснока и прочее.

Может быть, ей следует соорудить что-нибудь из свинины, учитывая, что он заказывал свиную грудинку. Например, симпатичные медальоны из нежного мяса.

— Ты помнишь Эдди Мастерса? — спросила Джулия.

— Помощник мясника, — ответила Элен, припоминая тощего длинноволосого парня в сине-белом полосатом фартуке.

Джулия крутила с ним роман, когда они были подростками. Да, свинина. По пути домой она заглянет в ту дорожную мясную лавку в торговых рядах.

— После меня он закрутил с Шерил из аптеки, — сказала Джулия.

— Та девчонка, у которой был вечно испуганный вид. Вообще-то, тогда я думала, что она боится, потому что ей дважды прокалывали уши.

— Ну да. В общем, когда Эдди меня бросил, я постоянно названивала той девице. И если она сама отвечала на звонок, я просто молчала, пока она не вешала трубку. Шерил

орала как резаная, кричала мне всякие гадости, а я лишь дышала. Не тяжело, нет. Дышала, чтобы она знала, что я там, что это я.

— Джулия Маргарет Робертсон! — Элен быстро села, делая вид, что потрясена, но отчасти она действительно была в шоке.

Она уставилась на свою подругу, которая продолжала спокойно лежать, скрестив руки на животе. Джулия была главной задавакой в той частной школе для девочек, где они учились. И вдруг — какой-то мясник.

Джулия даже глаз не открыла. Лишь ехидно улыбнулась.

— Просто я думала о твоей преследовательнице, и вдруг всплыло, — пояснила она. — Я о том случае сто лет не вспоминала.

— Но это так не похоже на тебя!

— Знаю, но я была вне себя, когда он меня бросил. И постоянно думала о ней, не могла себя остановить, думала, почему он предпочел ее мне. Чувствовала себя так, словно вовсе перестала существовать. А когда я звонила ей, то чувствовала себя живой. Что-то вроде наркотической зависимости. После я сама себя за это ненавидела и решала, что никогда больше такого не сделаю, но потом вдруг обнаруживала, что опять набираю ее номер!

— И как ты остановилась?

— Не знаю. Наверное, просто остыла, покончила с ним. — Джулия немного помолчала и добавила: — Знаешь что? Эдди-мясник потрясающе целовался!

— А разве у него не было козлиной бородки? — спросила Элен. — Такой жиденкой, похожей на клочок пуха?

— Да, а ты помнишь, как он засовывал пачку сигарет в рукав водолазки?

— Выглядело так, словно у него на руке опухоль выросла.

— А мне это казалось дико сексуальным.

Какое-то время подруги не произносили ни слова, а потом вдруг разразились отчаянным хохотом. Так могут смеяться только бывшие одноклассницы.

— Тебе бы поискать этого Эдди в «Фейсбуке», — посоветовала Элен, когда они наконец насмеялись вдоволь. — У него, пожалуй, теперь имеется собственный магазин.

— Ох, боже, я уж не настолько безнадежна, — парировала Джулия. — Как бы то ни было, я более чем счастлива в одиночестве.

«Все ты врешь, дорогая моя подруга», — подумала Элен, тайком изучая язык тела Джулии: сплетенные пальцы рук, сжатые губы. Прошло уже два года с тех пор, как бывший муж Джулии сменил ее на более современную брюнетку.

Джулия вдруг подняла голову:

— Ты ведь не сочинила всю эту историю о преследовательнице, нет? Очень уж напоминает небылицы для твоих клиентов, и скрытое послание заключается в том, что я сама похожа на безумную преследовательницу, что мне нужно двигаться вперед и начать ходить на свидания.

— О чем ты говоришь?.. — Но Элен прекрасно понимала, на что намекала Джулия.

— Помню, как однажды ты рассказывала о том знаменитом гипнотизере, твоём идеале или что-то вроде того, ну, о парне, который носил пурпурный плащ.

— Милтон Эриксон^[2], — вздохнула Элен. — Черт побери, у тебя отличная память!

Люди постоянно недооценивали Джулию. Это происходило из-за того, что она была слишком красива, а еще из-за ее чувства юмора, подходящего четырнадцатилетнему парнишке.

— Ты говорила, он обычно лечил своих пациентов, рассказывая им разные истории, — продолжила Джулия.

— Он использовал терапевтические метафоры, — пробормотала Элен.

— Знаешь, я заметила, что с тех пор, как Уильям от меня сбежал, ты как бы случайно излагаешь мне разные мотивационные сказочки о людях, которые сумели преодолеть препятствия и нашли свое счастье после сердечной катастрофы.

— Ничего подобного, — возразила Элен, хотя на самом деле именно так она и делала.

— Ммм... — промычала Джулия. Вскинув голову, она улыбнулась Элен, и та смущенно ухмыльнулась в ответ. — Так эта охотница на Патрика не терапевтическая метафора?

— Увы, нет.

Подруги снова ненадолго замолчали.

— Значит, у твоего Патрика есть безумная бывшая подруга и покойная жена, — проговорила наконец Джулия. — Звучит волнующе, хотя и никакой путаницы.

— Да, запутанным это не кажется, — кивнула Элен.

— Пока, — уточнила Джулия.

— Ну спасибо за твою горячую поддержку.

— Я просто так сказала. — Джулия села, сняла полотенце с головы и промокнула пот с розовых сияющих щек. — Могу поспорить, тебе ужасно нравится, что он вдовец. Это делает его фигурой романтической, даже немного трагичной. Вроде Майлза.

— Майлз?

— Майлз. Тот одноногий парень, в которого ты влюбилась в колледже.

— Джайлз! — поправила Элен. — И мы все влюбились в этого одноногого. Он был великолепен!

Если ты дружишь с людьми, знавшими тебя в юности, возникают кое-какие проблемы. Такие люди никогда не воспринимают тебя достаточно серьезно, потому что по-прежнему видят в тебе глупого подростка.

Но Элен и в самом деле ничуть не огорчалась из-за того, что Патрик был вдовцом. Данное обстоятельство делало все чуть более сложным и запутанным, и ей это нравилось. У Элен возникало ощущение, что она является частью роскошного орнамента жизни и смерти. И еще это позволяло ей продемонстрировать свое профессиональное искусство. Элен воображала, как люди говорят ей: «Тебя тревожат его чувства к покойной жене?», а она безмятежно отвечает: «Вообще-то, нет». Элен бы сразу уловила, если бы у Патрика все еще оставалась любовь к покойной. Она бы инстинктивно поняла, когда необходимо немного отступить, когда нужно дать ему возможность погоревать о супруге.

— Я никогда не влюблялась в того одноногого, — возразила Джулия.

— Нет, конечно, ты была слишком занята тем, что дышала в телефонную трубку, пугая новую подругу твоего бывшего парня.

— Ага! Туше! — Джулия ловко взмахнула воображаемой шпагой. Она была чемпионкой школы по фехтованию. Снова обмотав полотенце вокруг головы, она развалилась на скамье. — Ну, как бы то ни было, мое глупое преследование можно объяснить. Мне было семнадцать лет. У подростков мозги еще не сформировались до конца. Это медицинский факт. А сколько лет твоей охотнице?

— Она преследует Патрика, а не меня. Думаю, ей слегка за сорок.

Вытягивать из Патрика сведения о Саскии было все равно что зуб тащить. Элен отметила, что он даже избегает называть ее по имени, когда только это возможно. Патрик

называл ее «та женщина» или «та особа».

— Ну вот видишь? Она зрелая женщина. То есть, по сути, дама средних лет. Никаких извинений для нее! Она чокнутая. По ней плачет психушка.

Элен вздохнула и потянулась как следует всем телом, прежде чем расслабиться и позволить своему телу распластаться по скамье.

— Джулия, все мы немножко чокнутые.

«Ты потеряешь вес» / «Ты станешь настолько стройной, насколько пожелаешь!»

Взгляните на разницу в этих предположениях. Первое может быть описано как авторитарное, отцовское и прямое. Второе можно описать как разрешительное, не прямое и материнское. Милтон Эриксон верил, что наше подсознание сопротивляется авторитарным предложениям. Он был первым, кто использовал «искусную неопределенность». Разве вам не нравится это выражение?

Выдержка из лекции по продвинутому курсу гипнотерапии Элен О'Фаррел. Трое студентов кивнули, остальные таращились на нее в искусном недоумении

Неожиданная новость, что этим вечером она встречается с сыном Патрика — впервые! — породила в Элен совершенно неадекватное чувство паники.

— Да-да! Конечно-конечно! — ответила она Патрику, кивая, как безумная марионетка, когда он позвонил ей, чтобы спросить, можно ли ему сегодня привести с собой на ужин Джека, потому что приятель сына, к которому мальчик собирался отправиться после уроков, внезапно свалился с какой-то инфекцией.

— Он может есть то же, что и мы, — сказал Патрик. — Или мы просто закажем ему пиццу или что-нибудь в этом роде. Ты не волнуйся. Ох, и он прихватит с собой свои DVD.

Ну и что ей делать? Отрезать для мальчика по кусочку от каждого из свиных медальонов? Или побыстрее сбегать в магазин и купить для него баранью отбивную? Но времени уже не хватало. У Элен назначены встречи с двумя клиентами, и первая из них должна начаться через пять минут.

А из напитков у нее только шампанское и вино. Теперь же нужна диетическая кола, или лимонад какой, или на крайний случай сок. На десерт Элен приготовила клубнику в ликере и сливки «Кинг-айленд», и все это абсолютно не годилось для ребенка.

Он, пожалуй, понадеется на мороженое. Или пирожное. Кекс? Слишком уж по-детски? Она не должна обижать его, обращаясь с ним как с малышом. Боже милостивый! Ей нужно несколько часов, чтобы как следует подготовиться к такому! Необходимо позвонить подруге Маделайн, та всегда была большим специалистом по детям. А еще нужно отправить сообщение Джулии: та бы сразу ей ответила, что Элен — просто идиотка. Или надо послать письмо по электронной почте Кармел в Нью-Йорк, та бы быстро нашла для Элен на «Амазоне» какую-нибудь книгу вроде «Секреты хорошей мачехи» или в «Гугле» — «Восьмилетние мальчики, и как разговаривать с ними, не выдавая отчаянного желания стать их матерью».

Когда они с Патриком обсуждали, как Элен лучше познакомиться с Джеком, то сошлись на том, что это должно произойти днем, а не вечером; возможно, во время похода в океанариум. То есть предполагалась какая-то активная деятельность, чтобы погасить напряжение. Элен собиралась держаться весело, говорить об интересных вещах, но как бы

экспромтом, хотя на самом деле тщательно подготовившись; рассуждать о рыбах, что вполне могло бы произвести впечатление на восьмилетку.

И тут Элен вспомнила кое-что еще, от чего ее пробрало холодом: ее DVD-плеер не работал! Бедный сиротинушка начнет жутко скучать!

Игры! Они должны во что-нибудь поиграть. А играют ли дети до сих пор в настольные игры? Или им лучше просто посидеть и поговорить всем вместе? Но о чем?

На мгновение Элен почувствовала, что готова разрыдаться.

Так, нужно заново взглянуть на проблему, в более позитивном свете.

Элен, он просто ребенок, а не английская королева и не президент Соединенных Штатов!

Ну, такой подход едва ли мог помочь, потому что на самом деле она чувствовала бы себя куда более спокойно и уверенно, столкнувшись хоть с королевой, хоть с президентом. Королева напоминала бабушку, по которой Элен скучала непрерывно, а президент Обама выглядел веселым болтливым парнем. Сама Элен была единственным ребенком в семье и выросла в окружении взрослых, а работа вынуждала ее постоянно вступать в контакт со все новыми и новыми людьми. Она вовсе не была застенчивой и, хотя имела склонность к самоистязанию — работа над этим недостатком входила в ее планы самосовершенствования, — при этом никогда не воспринимала себя как низшую по отношению к представителю любого социального слоя.

Кроме детей. Да, она ощущала себя низшей по отношению к детям.

Они были неким самостоятельным видом живых существ, у них имелся собственный язык и своя культура. И в наши дни дети выглядят такими уверенными в себе. Когда сегодня после сауны Элен пошла по магазинам, то увидела девчужку, которой на вид было никак не больше восьми лет. Та скользила по улице, болтая по розовому мобильнику. На девочке была куртка с капюшоном, отделанным мехом, лицо раскрашено тигриными полосами, и она именно скользила, а не шла, потому что в ее обуви, как оказалось, имелись крошечные колесики, волшебным образом упрятанные в подошвы. Мало того, по бокам ее кроссовки сверкали розовыми огоньками. В изумлении Элен уставилась на девочку. Перед ней была экзотическая принцесса-тигрица на невидимых коньках!

Кое-кто из ее подруг имел маленьких детей, но младенцы — это совсем несложно. Вы можете их убаюкать, заставить смеяться, просто пощекотав им ладошки или подув на нежную мягкую шейку. Ох, Элен обожала младенцев, но вот детки постарше...

Ведь несмотря на то, что ей было уже хорошо за тридцать, многие из ее подруг того же возраста оставались бездетными.

— Вы, девушки, думаете, что будете вечно молодыми, — говорила Элен ее мать. — Вы хоть осознаете, что рождены со всеми теми яйцеклетками, которые тратите понапрасну? Хотя, конечно, это не означает, что я спешу превратиться в морщинистую седовласую бабулю. — Далее следовал отрывистый смех.

Итак, у нее не было особого опыта общения с детьми. Но должно быть что-то еще, что-то, вызвавшее столь панический страх. Элен как следует порылась в своем сознании, с жестокой беспощадностью отыскивая нелицеприятную правду.

Она хотела стать мачехой для этого ребенка. Хотела нарядить его в чудесный костюмчик на свою свадьбу. Хотела, чтобы он стал старшим братом ее собственному малышу, потому что ей было уже тридцать пять и она родилась со всеми теми яйцеклетками, которые желала использовать. Хотела, чтобы папа этого мальчика стал для

нее тем самым, единственным, потому что ей уже не вынести поиска в Интернете очередного облысевшего коренастого мужчины средних лет, самодовольно глядящего на нее с компьютерного экрана и желающего познакомиться со «стройной леди, которая умеет следить за собой, для нежных и долгих прогулок вдоль берега моря». Да, она хотела, чтобы этот ребенок полюбил ее, и одобрил ее, и спас ее от обжиманий с коренастыми самодовольными мужиками.

И конечно, все это было уж как-то слишком быстро и очень смущало. А если ребенок почувствует ее безумное отчаяние — а Элен подозревала, что дети в этом похожи на собак, что они инстинктивно ощущают страх, — тогда он ведь может...

Нетерпеливо зазвонил дверной звонок.

Элен посмотрела на наручные часы. Пришел ее клиент, встреча с которым была назначена на два часа. Она сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, но внизу остановилась и пробормотала свое заклинание перед встречей: «Вдохни глубоко, я уже полностью готова к встрече с клиентом; выдохни не спеша, я дам ему все, что должна дать».

Она открыла дверь, улыбаясь спокойно, профессионально. Невротичку Элен надежно заперли в самой глубине сознания.

Клиентом была Роза: она пообещала своему жениху, что обязательно бросит курить ко дню их свадьбы.

Роза — невысокая фигуристая женщина с большими доверчивыми круглыми глазами и узенькой щелочкой между передними зубами; это придавало ей невинный детский вид. Элен и вообразить бы не могла, что та курит. Это выглядело бы примерно так же, как если бы сигарету сунула в рот малышка, едва начавшая ходить.

Во время первого сеанса Роза упомянула, что выходит замуж за Яна Романа, и выжидающе посмотрела на Элен.

«Видимо, я должна знать это имя», — подумала тогда Элен.

— О нем часто упоминают, — сказала Роза. — Он довольно... э-э... известен.

Ну да, сообразила Элен, Ян Роман! Это действительно было одно из тех имен, что застревают в вашем подсознании сами собой. Он владел то ли какими-то газетами, то ли телевизионными каналами, то ли еще чем-то. Его имя появлялось на финансовых страницах газет. Хотя нельзя сказать, что у Элен была привычка читать эти страницы.

— Так что после свадьбы я стану Роза Роман. — Роза негромко, отчетливо рассмеялась.

— Но вам же не обязательно менять фамилию, — напомнила ей Элен.

— Ох нет, я же не из тех женщин, кто делает карьеру или что-то в этом роде! — Роза взмахнула рукой, словно отменяя предложение, будто ей попытались подсунуть нечто слишком дорогое. — Я самая обычная женщина.

Сегодня Роза, казалось, пребывала в дурном настроении; она то и дело вертела головой, словно у нее болела шея, и даже принялась дергать подол своего джемпера, словно он основательно сел после стирки и она пыталась вернуть ему прежнюю форму.

— Как дела с подготовкой вашего бракосочетания? — спросила Элен, ведя клиентку вверх по лестнице.

— И не спрашивайте, — ответила Роза.

— Ох, боже...

— Для того чтобы бросить курить, хуже времени и не придумаешь, у меня же сейчас сплошная нервотрепка!

— Частенько такой момент как раз и хорош для того, чтобы отказаться от какой-то

привычки, вы ведь выбиты из обычной повседневной рутины.

— Наверное, так... — Убедить Розы явно не удалось.

Элен наблюдала за тем, как постепенно расслабляются плечи Розы, когда они вошли в стеклянный кабинет. Сочетание света и вида океана было настолько мощным, что иной раз Элен думала, что ей, возможно, ничего больше и не нужно делать с клиентами, а всего лишь позволять им посидеть здесь.

— Ну так как продвигаются дела? — спросила Элен, когда они наконец уселись.

— Я по-прежнему дымлю как паровоз, — огрызнулась Розы. И прежде чем Элен успела хоть что-нибудь сказать, Розы продолжила: — Извините, мне очень жаль. Вашей вины в этом нет. Я знаю, что виновата лишь я сама. Я ведь даже не слушала до сих пор тот диск, который вы мне дали.

Элен дала Розы одну из специальных записей для отказа от привычки к курению. Она сделала эти записи несколько лет назад, и ее клиенты частенько весьма восторженно отзывались о них, хотя самой Элен было нестерпимо слушать собственный голос.

— А почему вы его не слушали?

Бывало и такое. Клиенты никак не могли собраться прослушать запись и всегда говорили Элен об этом с виноватым и отчасти вызывающим видом, как будто признавались в том, что не выполнили домашнего задания. При этом они понимали, что никаких неприятностей не последует, потому что они взрослые люди и потому что платили за это.

Розы пожалала плечами:

— Не знаю. Похоже, я не в состоянии думать ни о чем, кроме свадьбы. Ну, например, мне противен тот цвет, который я выбрала для платьев подружек невесты. Абрикосовый! Похоже, на меня тогда нашло временное помешательство. — Розы взяла шоколадку из вазы, но тут же уронила ее обратно. — Мой жених бросил курить много лет назад. В один прекрасный день он просто решил, что бросит, когда ехал по трассе. Открыл окно машины, выкинул полупустую пачку сигарет — и больше никогда не курил.

— Насорил в общественном месте, — сказала Элен.

Розы удивленно посмотрела на нее и хихикнула:

— Ну да.

Но тут же ее улыбка разом угасла, словно выключили.

Что-то здесь было не так. Элен чувствовала: Розы ей лжет. Хотя, конечно, люди постоянно лгут, иногда сознательно, иногда нет.

— А вы действительно хотите бросить курить? — спросила она.

Розы сделала большие глаза:

— Конечно!

— Ну, видите ли, порой наше подсознание блокирует все попытки оставить какую-то привычку. Я думаю, мы можем попробовать что-нибудь другое и попытаемся сегодня все исследовать заново.

— Ладно, — вздохнула Розы. — Хотя могу вам сказать: ничего загадочного во всем этом нет. Мне просто нужно больше силы воли.

— Что ж, посмотрим. — Элен немного помолчала, пытаясь решить, какое введение лучше использовать. Потом ей пришла в голову отличная метафора. — Какой цвет теперь вы бы хотели выбрать для платьев подружек невесты?

— Голубой, — моментально ответила Розы.

— Хорошо, а теперь выберите точку на стене, чтобы сосредоточиться на ней. Любую,

какую вам захочется.

Рози вздохнула, пожала плечами и обвела взглядом комнату. Она сосредоточилась на той же самой точке в дальнем правом углу, которую предпочитали почти все клиенты, и сказала:

— Ладно, готова.

— Скоро вы моргнете. — (Рози моргнула.) — Все правильно, — тепло произнесла Элен. — И рано или поздно ваши глаза начнут закрываться. Это может случиться сразу, а может потребоваться некоторое время.

Рози закрыла глаза.

Элен наблюдала за тем, как поднимается и опускается грудь Рози, и сама начала дышать в том же ритме. Она заговорила быстро и ровно, представляя, как ее слова проливаются в ум Рози, будто жидкость из какого-нибудь кувшина.

— Мне хочется знать, можете ли вы вообразить стену? Мне жаль говорить об этом, но стена выкрашена в абрикосовый цвет. Но хорошая новость в том, что вы ее перекрашиваете в чистый голубой. Ваша кисть движется вверх и вниз ритмичными движениями. Вверх... и... вниз. Вверх... и... вниз.

Слишком сложно? Элен давно поняла, что с метафорами следует обращаться осторожно. Представители сильного пола частенько воспринимали все чересчур буквально. Мужчина мог заявить потом: «Вам следовало заставить меня сначала нанести грунтовку». Женщины же были склонны уходить в сторону. Одна из давних клиенток сказала, что обожает загорать, и Элен придумала для нее чудесную, как ей казалось, вводную: тропический пляж, клиентка загорает. Но потом женщина призналась, что основную часть времени она потратила на то, что пыталась выбрать купальный костюм, который ей хотелось бы визуализировать.

Элен наблюдала за тем, как глазные яблоки Рози быстро двигаются под закрытыми веками, и отметила напряжение в ее теле: плечи приподняты, руки сжимают подлокотники кресла, пальцы буквально впиваются в кожу обивки. Снаружи, за окном, убежало облачко, закрывавшее солнце, и луч света заставил вспыхнуть крупный бриллиант на обручальном кольце Рози.

— Каждый раз, когда вы видите движение кисти, отмечайте, что ваше тело все глубже погружается в состояние расслабленности. Вы, наверное, замечаете, как ваше дыхание начинает совпадать с ритмом движения кисти. Вверх... вниз... вдох... выдох. Вверх... и... вниз. Вдох... выдох.

Элен увидела, как ступни Рози, обутые в крошечные черные туфельки, бессильно развалились в стороны, образовав букву «V». «Наблюдай за их ногами, — постоянно твердил ей Флинн. — Вот что их выдает».

— Стена почти полностью выкрашена. Она уже вся голубая... или вот-вот станет голубой... Вы насладитесь состоянием самой чудесной расслабленности в вашей жизни...

Рот Рози приоткрылся, лицо расслабилось, голова упала набок. Если бы некоторые из клиентов Элен знали, как выглядят, находясь в трансе, они бы просто пришли в ужас. Но об этом Элен никогда и никому не говорила, даже другим терапевтам. Она воспринимала это как нечто чрезвычайно личное, что делила со своими клиентами.

Ладно, Элен, но что именно ты собираешься делать с этой голубой стеной, что встала перед тобой?

Но она знала. Иногда ее работа шла неуклюже и с усилием. А в другие дни, вот как сейчас, все текло без проблем. Элен и сама пребывала в легком трансе. Попала в свою

«зону».

— Розы, ты можешь превратить эту стену в роскошный синий занавес, какие бывают на сцене. А позади этого занавеса тебя ждет некто очень важный. Я не знаю, кто это, но он обладает большой мудростью, тот, кому ты безоговорочно доверяешь. Ты отодвигаешь занавес — и этот человек тебя ждет. Может, даже делает шаг вперед, чтобы обнять тебя. — Элен замолчала, выжидая и наблюдая. — Вы встретились?

Розы подняла указательный палец правой руки: этот сигнал означал на их сеансах «да».

— А теперь, я уверена, у этого человека есть нечто такое, чем он хочет с тобой поделиться. Может быть, он сумеет объяснить, почему тебе кажется, что бросить курить так трудно, или подскажет способ, или даст силу для того, чтобы отказаться от этой привычки. Я помолчу, а ты слушай, что он тебе скажет.

Очередное облако миновало солнечный диск, и комната наполнилась теплом. Элен ощущала, как ее собственная грудь поднимается и опускается в ритме дыхания Розы. Лицо клиентки оставалось безмятежным, но она прикусила нижнюю губу.

Через несколько секунд Элен снова заговорила:

— Розы, мне хочется знать, нет ли у тебя желания поделиться со мной тем, что ты узнала. Но только если ты сама того хочешь.

Мгновение-другое Розы молчала, но потом заговорила. Ее голос звучал хрипло, медленно, монотонно.

— Я не хочу выходить за него замуж, — проговорила она. — Поэтому и не бросаю курить, потому что не хочу замуж... — Брови Элен взлетели, глаза уставились на сияющие бриллианты на пальце Розы. — На самом-то деле он не настолько мне нравится, — добавила Розы.

* * *

— Ну, вот это и есть мой сын Джек! — Патрик стоял в прихожей Элен, положив ладони на тощие плечи мальчика.

— Что ж, привет, Джек! Как дела?

Элен заговорила именно так, как боялась: на манер библиотекаря в час чтения вслух.

— Спасибо, хорошо.

Мальчик бросил на Элен короткий взгляд и тут же отвел глаза. Они у него были такие же, как у отца: слегка миндалевидные, светло-зеленые. А густые светлые волосы были длинными и спутанными, подстриженными на манер рок-звезд шестидесятых годов.

— Отлично! Ну... значит, все прекрасно. Я надеюсь, тебе нравятся сэндвичи с колбасой.

К немалому облегчению, Элен обнаружила немного колбасы в своем холодильнике как раз перед приходом гостей.

Джек, похоже, и не слышал ее. Он опустил голову и дергал подол футболки, словно испытывая ткань на прочность.

Патрик откашлялся:

— Эй, приятель, Элен задала тебе вопрос.

— Нет, не задавала.

— Нет, задала. Она спросила, любишь ли ты колбасу. А ты ведь ее любишь, разве не так?

Джек вывернулся из-под отцовских рук:

— Пап, вообще-то, я колбасу не люблю. И она не спрашивала, люблю ли я колбасу. Она сказала: «Я надеюсь, ты любишь сэндвичи с колбасой». Это не вопрос. Это... ну, просто предложение.

— Ладно, тогда... — начала было Элен.

— Я люблю пиццу. И ты говорил, что я смогу сегодня вечером заказать пиццу.

— Я сказал, что мы, возможно, закажем пиццу, но если Элен уже приготовила для тебя сэндвичи с колбасой, то ими и обойдемся.

Патрик одарил Джека строгим отцовским и в то же время испуганным взглядом.

— На самом деле я их еще не приготовила, — поспешила уточнить Элен. — И ты, Джек, можешь получить пиццу, если предпочитаешь именно ее.

— Ага. Спасибо, я именно это предпочитаю. — Джек глубоко вздохнул, как будто наконец-то услышал нечто разумное. — А теперь могу я посмотреть DVD?

— Джек, прошу тебя! Тебе незачем прямо сейчас смотреть свои диски. Это не слишком вежливо.

Элен видела, как напряглись скулы Патрика, словно он изо всех сил стиснул зубы. Ему отчаянно хотелось, чтобы Джек произвел на нее хорошее впечатление. Собственная нервозность Элен резко пошла на убыль.

— Все в порядке. Вообще-то, плеер у меня не работает, но ты можешь взять мой ноутбук, если тебя это устроит.

— Да, устроит, — благожелательно откликнулся Джек. — Могу и на компьютере посмотреть.

Впервые он поднял голову и глянул на Элен.

— Наверное, ты огорчен тем, что твой друг внезапно заболел, — сказала она.

— Да, — нетерпеливо кивнул Джек. — А ты могла бы меня загипнотизировать? Ну и еще... можешь меня научить, как гипнотизировать моих приятелей? Ну, чтобы они вдруг начали делать то, что я им приказываю? Вот было бы круто! Они бы стали моими рабами!

— Но это вроде как неэтично, — возразила Элен.

— Чего?

— Ладно, включай-ка лучше свое кино. — Патрик негромко хлопнул в ладоши.

— Па, ты что-то уж очень странно себя ведешь. — Джек нахмурился.

Патрик неловко усмехнулся, посмотрев на Элен:

— Страннее, чем обычно?

Джек торжественно кивнул:

— Пап, я серьезно.

Они пошли по коридору, и Джек остановился, чтобы коснуться серебристых горошин на оранжевых обоях. И посмотрел на Элен:

— Крутой дом.

— Спасибо.

У Элен хватило ума только на то, чтобы не добавить «дорогой» или «милый».

Двадцать минут спустя Джек уже сидел в гостиной Элен с ноутбуком на коленях, нацепив наушники. Он полностью сосредоточился на мелькающих на экране фигурах, а его солидные спортивные ботинки легли на тщательно отреставрированный кофейный столик в стиле ретро.

Патрик не сказал сыну убрать ноги со стола, а Элен не знала, как попросить мальчика сделать это, чтобы не выглядеть при этом злобной мачехой. В конце концов, что могут

значить несколько царапин?

— Знаешь, он великолепен, — сказала она Патрику, когда они уселись за обеденный стол.

Элен выставила тарелку с хлебом, приготовленным на закваске, соус и крупные зеленые оливки. Сквозь открытую дверь столовой им была видна макушка Джека, увлеченного кино. Элен говорила, слегка понизив голос, хотя Джек явно не мог их услышать.

— Ну, с ним по всякому бывает, — ответил Патрик. И откашлялся, улыбаясь Элен. — Ты первая женщина, с которой я его познакомил после смерти его матери.

— Да, это большая честь... Но погоди, а разве ты не знакомил его с Саскией? Ты ведь говорил, вы жили вместе пару лет? Значит, она должна была жить вместе с тобой и Джеком?

Об этом Элен и не думала до настоящего момента. Саския точно отлично знала сынишку Патрика.

Ноздри Патрика дернулись, точно он почувал весьма неприятный запах. Он выплюнул косточку оливки в ладонь.

— Ее я не считаю.

Элен такой ответ не устроил. Патрик не мог просто сделать вид, что Саскии никогда не существовало. Он ведь должен был когда-то любить ее, хотя бы в самом начале. Так что Элен вовсе не первая женщина, с которой он познакомил своего сына. Тут налицо фактическая некорректность. И Элен это не понравилось.

— А сколько лет было Джеку, когда вы с Саскией встречались?

— Ну, он едва начал ходить, я думаю.

— А они... ладили? Он был огорчен, когда она ушла?

— Джек ее и не помнит, — отмахнулся Патрик, хотя это и не было ответом на ее вопрос. Тут его взгляд ушел в сторону, и Патрик внезапно окликнул сына: — Джек! Убери ноги со стола!

Как он мог увидеть отсюда, что ноги мальчика лежат на столе? Или он заметил это раньше, только не потрудился что-либо сказать?

— Извини... — Патрик встал и вышел в соседнюю комнату. А когда вернулся, то сразу сменил тему: — Ну и как у тебя прошел сегодня день? Ты говорила, была парочка клиентов. Удачно прошли... э-э... сеансы?

Если бы Элен была подольше знакома с Патриком, она бы сказала: «Я еще не закончила разговор о Саскии и Джеке», но пока она изо всех сил старалась сдержать свое извращенное любопытство в отношении его бывшей подруги. В конце концов, Патрик ведь, похоже, не слишком хотел знать что-либо о ее прежних приятелях.

Поэтому Элен просто рассказала ему о сеансе с Розы и как она выяснила, что причиной, по которой та не может бросить курить, является на самом деле ее нежелание выходить замуж. Разумеется, Элен тщательно избегала называть какие-либо имена или то, что отмена этого венчания, скорее всего, стала бы шумно обсуждаться на страницах сиднейских газет. Ей казалось, что это интересная тема для беседы и что так она выставляет себя в выгодном свете.

Патрик слушал очень внимательно, а потом прищурился, всматриваясь в Элен, словно пытался рассмотреть что-то сквозь яркий солнечный свет. От этого он выглядел старше. У него были глубокие морщинки возле глаз, и Элен подумала, что это результат постоянной работы на свежем воздухе.

— Так, значит, она отменит свадьбу? Из-за тебя?

— Ну, я не знаю на самом деле, как она собирается поступить. Это только от нее самой зависит. Наверное, я просто помогла ей понять, что она чувствует на самом деле.

— Но представь, как должен чувствовать себя тот несчастный парень! Ты уверена, что это не случай обыкновенной трусости? Или, может быть, она просто ищет оправданий тому, что не в силах бросить курить?

Элен почувствовала раздражение. Она ведь ожидала удивления, даже изумления при виде того, чего способна достигнуть гипнотерапия. Она почесала запястье. Когда Элен раздражалась, это мгновенно проявлялось в зуде в правом запястье, точно в том месте, где в детстве у нее был дерматит.

— Я не заставляю своих клиентов делать что-либо, — возразила она. — Я помогаю им обойти критические голоса и напрямую проникнуть в собственное подсознание. Мои клиенты достигают того, что называется «сатори», «малое просветление». Это термин дзен-буддизма.

Элен мысленно вернулась к концу ее встречи с Рози. После того как было сделано открытие насчет ее замужества, Элен дала Рози постгипнотическое внушение: «Когда ты выйдешь из транса, ты будешь чувствовать себя спокойной и владеющей собой, принимая решение насчет того, что ты хочешь сделать далее».

И когда Рози очнулась, она моргнула, тут же подняла руку и уставилась на свое обручальное кольцо. Сняв кольцо, взяла его кончиками пальцев и повернула к свету, рассматривая с удивлением, словно это был некий странный и неприятный научный образец. Потом улыбнулась Элен и сказала:

— А знаете что? Мне и кольцо-то это не нравится!

— Извини. Я совсем не собирался что-то критиковать, — покаялся Патрик. — Наверное, я просто уж слишком почувствовал себя на месте того парня.

— Все в порядке, — ответила Элен.

Это был первый раз, когда между ними возникло нечто похожее на напряжение. Но подобное и должно было рано или поздно случиться. Нет никаких причин для тревоги.

— Я видел один раз такое шоу, — вновь заговорил Патрик. — Знаешь, когда из зала вызывают желающих подвергнуться гипнозу. Должен признаться... Надеюсь, тебя это не обидит... В общем, я считаю, что эстрадные гипнотизеры весьма отличаются от... правильных гипнотерапевтов вроде тебя, но суть-то в том, что мне это все равно очень не нравится.

Элен улыбнулась при виде его виноватого лица.

— Все в порядке, — успокоила она. — Шоу — это совершенно не похоже на то, что делаю я.

— Мне противно было видеть глупое выражение на их лицах. — Патрик изобразил картину, расслабленно откинувшись на спинку стула и уронив голову на грудь. А потом выпрямился и отпил немного вина. — Они выглядели так жалко. Как будто он их одурманил и мог сделать с ними все, что ему вздумается.

— Нет, на самом деле не мог. Они все равно сохраняли самоконтроль. Он просто помог им отбросить их собственные внутренние запреты, — пояснила Элен.

— Мне нравится владеть собой. Именно поэтому я никогда не увлекался спиртным, никогда не пробовал наркотики. Я хочу сам сидеть за рулем, образно говоря. — Патрик немного помолчал, взял еще одну оливку и тут же аккуратно положил ее на тарелку перед собой. И сосредоточил взгляд на этой оливке. — Как раз поэтому мне отвратительно то, что

делает моя бывшая. Она владеет ситуацией. Саския влияет на мою жизнь, а я не могу ничего изменить. Так что извини, если я иногда выгляжу малость странным, когда речь заходит о ней. Мне сразу кажется, что она здесь, в одной комнате с нами.

Он посмотрел на Элен с тем же самым умоляющим, отчаянным выражением, с каким глядели многие клиенты, приходившие к ней в поисках решения своих проблем, пусть они и не верили по-настоящему, что она в силах помочь. Элен внезапно прониклась сочувствием. В тот вечер, когда Патрик впервые рассказал о своей преследовательнице, его поведение было фальшивой бравадой. Конечно же, ему это причиняло боль: он ведь оказался в роли жертвы преследования! Как она могла не подумать об этом прежде? Невероятная черствость. Элен так заинтересовалась Саскией, так хотела понять ее мотивы, что и не учла по-настоящему, как это может влиять на Патрика. Она вела себя так, словно только женщины обладают настоящими эмоциями, как будто мужчины — нечто вроде низшей формы жизни.

— Извини. Когда я задавала тебе вопросы о Саскии, то просто не подумала, что она, пожалуй, последний человек, о котором тебе хочется говорить. Я имею в виду то, как она должна действовать на тебя... Ну, вероятно, это... Вообще-то, на самом деле я даже не представляю, на что это похоже.

Патрик продолжал смотреть прямо в глаза Элен. Он явно пытался передать ей какие-то весьма сложные, запутанные чувства. А может быть, переживал собственное малое просветление.

Потом наклонился к ней. И Элен подалась навстречу. Хорошо. Он собирался чем-то поделиться. Это переведет их отношения на новый, более глубокий духовный и проникновенный уровень.

— Не хочешь подняться наверх на несколько минут? — спросил Патрик.

* * *

— Я-то думала, он хочет сказать мне нечто важное и значительное, а оказывается, ему просто приспичило перепихнуться! Притом что его сын сидит в гостиной! Вот уж что мне не могло прийти на ум, так это секс!

— У них на уме всегда в первую очередь только это, — ответила Маделайн.

Они разговаривали по телефону. Элен заполняла документы в своем кабинете, а по звукам шипения и звяканья без труда могла догадаться: Маделайн что-то готовит. Возможно, нечто изысканное и органическое. Она, наверное, в фартуке в цветочек, охватывающем ее раздавшуюся талию. Маделайн радостно ожидала второго ребенка. Они с Элен вместе снимали квартиру, когда им было по двадцать, и тогда подруга умерла бы со смеху, если бы ей сказали, что она когда-нибудь наденет фартук в цветочек.

Элен могла бы позвонить Джулии, но она заметила, что интерес той к разговорам о Патрике понемногу остывал по мере того, как развивались эти отношения. Даже и до развода Джулия всегда принадлежала к той категории подруг, которым звонят, когда дела идут плохо, а не тогда, когда они идут хорошо. Теперь Патрик официально стал бойфрендом Элен, и в голосе подруги слышался легкий оттенок презрения, стоило Элен заговорить о нем. Разумеется, если только речь не шла о его безумной бывшей подруге. Джулия обожала слушать рассказы о Саскии. Это вовсе не значило, что она не желала Элен счастья, просто думала, что о счастье незачем говорить.

Маделайн же была как раз такой подружкой, которая искренне заботилась о других, но становилась совершенно неспособной к общению, если дела принимали дурной оборот. Она сразу начинала паниковать и мгновенно меняла тему, если улавливала в голосе собеседника дрожь эмоций.

И вот теперь Элен нахмурилась, слыша нотку отрицания в голосе Маделайн.

— Но это неправда! Это просто клише, избитая фраза! — горячилась Элен. — Мне приходилось встречаться и с такими мужчинами, которые вообще не думали о сексе. Как бы то ни было, в тот момент я как раз решила, что должна прекратить думать о Патрике как о мужчине и смотреть на него как на личность. Просто еще одно человеческое существо.

— Если ему хочется секса, он не перестает от этого быть человеческим существом.

Похоже, Маделайн упустила главное.

— Да, но ведь в доме был его сын!

— Если ты собираешься с ним жить, тебе придется как-то с этим разобраться.

— Но разве родители не ждут, пока заснут малыши?

— А разве вся суть истории не в том, что ты заметила на его лице? Ну, то выражение...

— Да, верно. Действительно, когда я отказалась, у него возникло то выражение, и я подумала, что это могла быть обида.

— Что значит — ты подумала?

— Выражение мелькнуло на долю секунды. Вроде бы люди, которые специализируются на выявлении лжи, называют это микровыражением. А потом все было чудесно. Мы отлично поужинали и после играли с его сынишкой в «Монополию», и это оказалось очень весело. Но я продолжала думать о том, как вдруг исказилось его лицо, о том микровыражении, и все размышляла: не знак ли это? Не получится ли так, что однажды я оглянусь и скажу себе: вот тот самый момент, когда мне следовало остановиться? Потому что в этом ведь и суть микровыражений! Они выдают ваше истинное «я»!

— Элен, это величайшая глупость из всех, что я когда-либо слышала. Бедняга настолько тобой очарован, что ему хочется секса в любое время дня, а когда ты ему отказала, он не сумел скрыть разочарования.

— Знаю, знаю! Я ужасна. Сверхрациональна. Истерична. Но мне просто очень хочется, чтобы на этот раз все получилось!

— Уж конечно, тебе хочется, — решительно произнесла Маделайн.

* * *

Значит, это серьезно. Гипнотизерша познакомилась с Джеком. Насколько мне известно, это первая женщина, с которой он познакомил Джека после меня.

Интересно, что он подумал о ней?

Она не похожа на тех, кто любит детей. Слишком возвышенная и легкая. Детям нравятся люди земные, настоящие, готовые устроиться на полу, чтобы поиграть с ними. Я даже представить не могу, чтобы некто, говорящий о свете, наполняющем ваше тело, мог забраться в песочницу.

Наверное, Джек уже слишком большой, чтобы играть в песочнице, хотя она по-прежнему стоит у них на заднем дворе. Порой, когда Патрик на работе, а Джек в школе, я прихожу к их дому и перекусываю на этом самом заднем дворе. Я сажусь на садовую

скамейку, которую мы купили на eBay, на ней я обычно пила утреннюю чашку чая. Помню те времена, когда этот дом был моим домом, а двор — моим двором и все это было моей жизнью.

И я всегда говорила Патрику, что нам обязательно нужно поставить замок на заднюю калитку.

Я частенько играла в этой песочнице с Джеком, мы часами гоняли там игрушечные машинки. У отца Джека гораздо лучше получалось изображать звук моторов, зато я была терпеливее. Патрик и сам уж слишком похож на ребенка. Он обычно выстраивал изумительные гоночные трассы в песке, с мостами через озера, а потом испытывал ужасное разочарование, когда Джек внезапно вскакивал и растаптывал все подряд. Я всегда напоминала: «Патрик, ему же два года!»

Джек выглядел таким высоким и тощим, когда выходил из машины у дома гипнотизерши. Я припарковалась на другой стороне улицы — просто не уехала оттуда после сеанса. У меня было предчувствие, что Патрик собирается к ней на ужин. Когда она вела меня наверх, я уловила запахи чеснока и вина, как будто что-то мариновалось на кухне. Но я никак не ожидала, что и Джек тоже приедет. Это меня потрясло. Внезапный шок, неопишуемая боль. Это как в детстве, когда в одно в холодное утро в нос бьет баскетбольный мяч. Вы ПРОСТО НЕ МОГЛИ ПРЕДСТАВИТЬ, насколько это больно, и ваши друзья хохочут, а вам отчаянно хочется домой, к маме.

Не думаю, что Джек уж так сильно ожидал знакомства с гипнотизершей. Он не выглядел счастливым. Плечи опущены. Мне показалось, я заметила, как он шмыгает носом. Надеюсь, он не подхватил грипп. Это очень опасно для людей, страдающих заболеваниями вроде астмы.

Однажды, когда Джеку едва исполнилось три года, а Патрик был на работе, у него случился приступ астмы, прямо посреди ночи, и мне пришлось вызывать «скорую помощь». Я до сих пор помню ужас, охвативший меня при виде того, как судорожно дергается его маленькая грудь в попытках вдохнуть воздух, и то, как его прекрасные зеленые глаза смотрели на меня, умоляя о помощи. А потом я сидела в машине, держа его на коленях, стараясь не дать ему сорвать дурацкую пластиковую маску, пока ему кололи вентолин. И доктора, и медсестры приняли меня за его мать. «Как наша мамочка себя чувствует? Принести мамочке чая?»

Было бы нелепо поправлять их в такой момент и объяснять, что я мачеха. Что бы они сказали? «Принести нашей мачехе чая?»

Джек звал меня Сас, потому что так обращался ко мне Патрик. Каждый вечер, когда я заходила к Джеку, чтобы пожелать ему спокойной ночи, он вытаскивал изо рта соску (мы не отбирали у него «пустышку» почти до четырех лет; это, конечно, было очень плохо, но мы баловали его) и говорил: «Я тебя люблю, Сас». И тут же совал соску снова в рот. Каждый раз меня охватывало такое чувство, будто сердце готово разорваться.

Джек был наградой, на которую я никогда не надеялась и о которой даже не мечтала.

В ту ночь, когда у него был приступ астмы, нас отпустили домой лишь на рассвете. Мне не хотелось укладывать Джека в кроватку, и я взяла его в нашу с Патриком кровать, и мы оба заснули. Когда же я проснулась, Патрик уже вернулся из поездки. Он просто стоял рядом и смотрел на нас, и на его лице было выражение нежности, и любви, и гордости, и он сказал: «Привет, родные мои!»

Мне никогда не забыть тот его взгляд.

Два года спустя, через три недели после начала первого учебного года Джека, Патрик просто сказал:

— Думаю, все кончено.

— Что кончено, о чем ты думаешь? — беззаботно спросила я.

Это ведь было совершенно неожиданно. Я даже догадаться не могла, о чем он говорит. О сериале по телевидению? О лете?

Но он имел в виду нас. Между нами все было кончено.

Отвергнутый интимный партнер часто становится преследователем со сложным, переменчивым комплексом желания примирения и мести. (?!! Мести за что? Что он ей сделал?)

Заметки, сделанные Элен О'Фаррел в процессе изучения в «Гугле» мотиваций к преследованию

Больше «микровыражений» не было, а если и были, Элен их не улавливала. Ее сомнения развеялись, как дымок от погасшей свечи.

Первые две недели июля в этом году выдались потрясающими: стояли солнечные дни с чистым синим небом, свежие и хрустящие, как яблоки. Погода идеальна для новых отношений, для того, чтобы держаться за руки в общественном транспорте, да и вообще вести себя так, чтобы рыдали недавно разбитые сердца, а все вокруг закатывали глаза.

Элен копила воспоминания: в особенности страстный поцелуй, когда они, словно подростки, прижались к кирпичной стене возле Музея современного искусства; завтрак воскресным утром — тогда Элен так рассмешила Патрика, что все посетители кафе обернулись и посмотрели на них; игра в карты в чуть пьяном состоянии, завершившаяся в постели; возвращение домой после занятий йогой — и обнаружение огромного букета цветов на крыльце перед дверью с запиской: «Для моей девочки».

Они уже перестали слишком осторожничать друг с другом.

— Господи! — воскликнул Патрик, когда впервые увидел, как Элен расправилась с огромным бифштексом.

— Ты разве не примерный католический мальчик? — спросила Элен.

— Я не упоминал имя Господа всуе. Я просто сказал: «Господи, ты видел, что сейчас съела эта женщина? Я же думал, что встречаюсь с хипповатой вегетарианкой, а вовсе не с кровожадной хищницей!»

— Ты поспеши, а то я и твое мясо съем.

Какое-то время они не замечали никаких признаков присутствия Саскии.

— Может, я ее напугала? — предположила Элен, по-прежнему в каждую свободную минуту занимавшаяся изучением психологии преследователей.

— Возможно! — Патрик добродушно похлопал ее по руке со слегка озабоченным видом, как доктор, который разговаривает со смертельно больным пациентом, твердящим: «А может быть, я окажусь исключением из правила!»

Слова «я тебя люблю» начали постоянно вертеться в мыслях Элен, словно лирическая песенка, которую невозможно выбросить из головы. Она вспомнила, что читала где-то, скорее всего в какой-нибудь глупой журнальной статье, что для женщины губительно произносить первой слова «я тебя люблю». Но это же было самым женофобским и глупым суеверием в мире. И тем не менее спешить не следовало. Они ведь встречались всего шесть недель. Подходящий момент возникнет сам собой.

Элен тщательно обдумывала свои прежние любовные истории.

Она первой сказала Энди: «Я тебя люблю». Он жутко испугался, но тут же поспешил исправиться и с осознанием долга ответить, что тоже ее любит.

Элен и Эдварду тоже сказала это первой, после того как выпила невероятно вкусный клубничный дайкири. Если честно, фраза сорвалась случайно. Она подразумевала, что любит клубничный коктейль.

Да, теперь, когда Элен задумалась об этом, то сообразила, что, вообще-то, всегда брала на себя инициативу. Она написала «Я тебя люблю» на поздравительной открытке в честь тридцать восьмого дня рождения Джона, а ему понадобилось сорок два унижительных для Элен дня, чтобы ответить теми же словами.

Так что, наверное, будет во всех отношениях безопаснее, если Патрик скажет это первым.

И он это сделал.

Он остался у нее как-то на ночь посреди недели, а утром едва не опоздал на какую-то раннюю встречу. Патрик наклонился над кроватью, поцеловал Элен в щеку и бросил:

— Ладно, мне надо бежать, люблю тебя! — И умчался.

Он произнес эти слова тем же самым рассеянным тоном, каким обычно говорил по телефону Джеку, что любит его. То есть, очевидно, это была пустая, ничего не значащая фраза.

Элен размышляла над этим, слегка удивленная, и тут услышала звук его шагов на лестнице. Патрик бежал вверх. Элен села в постели, когда он появился в дверном проеме спальни.

— Извини, — задыхаясь, сказал он, ухватившись за дверной косяк. — Это была ошибка. То есть не ошибка, нет! Я ждал подходящего момента, ну, чтобы светила луна, или появилась радуга, или еще что-нибудь в этом роде, а тут я вдруг вот так взял и ляпнул. Вот дурак! — Патрик хлопнул себя по лбу. Он вошел в комнату, сел рядом с Элен на кровать и посмотрел на нее так, как никто и никогда не смотрел прежде — ни возлюбленные, ни друзья. Будто никто в мире и не мог вот так сосредоточиться на ней. И продолжил: — Мне бы хотелось прояснить кое-что до конца.

— Хорошо, — кивнула Элен с самым серьезным выражением лица.

— Я делаю это заявление... э-э... под запись. Конечно, я готов и письменные показания дать, если понадобится.

— Прекрасно.

Патрик откашлялся:

— Элен, я тебя люблю. Я официально тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — ответила Элен. — Да, официально.

— Отлично. Значит, порядок. Ну, со всем разобрались в лучшем виде.

Патрик протянул Элен руку, и они обменялись рукопожатием, как будто заключили взаимовыгодное деловое соглашение. Вот только прежде, чем Элен отпустила ладонь Патрика, он притянул ее к себе, обнял, опрокинул на спину и крепко поцеловал.

Потом они снова сели, по-идиотски ухмыляясь, и тут Патрик глянул на свои часы:

— Может, это звучит и не слишком, но...

— Все в порядке. Люби меня и уходи.

Он снова поцеловал ее и убежал. А Элен упала на спину и погрузилась в облако счастья. Вот так и должна ощущаться любовь: просто, мирно, забавно. Очевидно. И нечего тут анализировать. Ей казалось, она никогда прежде не любила или не была любимой вот так. Все прошлые разы — просто убогая имитация настоящего чувства.

Представить только, что она могла бы прожить всю жизнь, не испытав ничего

подобного!

А еще, хотя это и неважно, тут было и кое-что интересное, что стоило отметить на будущее: он сказал это первым.

* * *

Я перенесла свою встречу с гипнотизершей, потому что мне нужно было по работе уехать в Мельбурн.

Хотелось отвертеться от поездки, но Триш, похоже, подхватила ужасный грипп, а я оказалась единственной, кто был под рукой. Единственной бездетной женщиной. А чем тебе еще заниматься? И правда. Нечем.

Мы с Патриком никогда не ездили в Мельбурн вместе, так что на этих улицах не прятались за углами никакие воспоминания. Поначалу казалось, что эта поездка — неплохая идея. Низкое небо и резкий ветер принесли облегчение после неизменно бодрой погоды Сиднея. Работа занимала все мое время, отвлекая от мыслей. К вечеру я ужасно уставала и моментально проваливалась в сон.

Но чем дальше я находилась вдали от Сиднея, тем сильнее во мне разгоралось желание снова увидеть Патрика и Элен. Утром в четверг я рано проснулась, страстно желая что-нибудь узнать. Чем они занимаются вот в этот самый момент? Остался ли он у нее? Осталась ли она у него? Моя потребность в информации ощущалась буквально физически, как голод или жажда.

В Сидней я отправилась первым утренним рейсом в пятницу. Я стискивала подлокотники кресла и наклонялась вперед, желая заставить самолет лететь быстрее. Я была вампиром и жаждала крови.

* * *

Был полдень пятницы, и Элен улучила минутку между приемами, для того чтобы сделать несколько глубоких вдохов и настроиться позитивно.

Ее ждали в некотором роде напряженные выходные.

Сегодня Патрик встречается за ужином с матерью и крестными Элен, а на следующий вечер, в субботу, уже Элен предстояло познакомиться с родными Патрика. В воскресенье он впервые встречается с Джулией. Они отправятся есть рыбу и жареную картошку в Уотсонс-Бей. К ним хочет присоединиться друг Патрика Стинки, или Вонючка: у него возникла идея познакомиться с Элен, а заодно, возможно, очаровать Джулию. Не самая блестящая мысль — его прозвище явно не сулило ничего хорошего. «Ох, но он же не воняет на самом деле!» — сказал Патрик, хихикая при мысли о том, что Стинки может дурно пахнуть. «Просто мы его так называем». — «Но тогда почему вы его так называете?» — спросила Элен, однако Патрик продолжал лишь хихикать. Мужчины иной раз бывают такими странными!

Они вовсе не намеревались устраивать все эти встречи подряд. Просто так уж получилось по множеству разных причин. Например, мать Элен внезапно перенесла день их совместного ужина, а Стинки неожиданно приехал в Сидней на выходные.

И вот выходные маячили перед Элен, как целая неделя трудных экзаменов и визитов к

дантисту. Она проснулась утром со смутным ощущением страха, проявившимся в неприятнейшей тошноте. Как будто огромная толпа собиралась с топотом пронестись прямо по их неокрепшим отношениям, закидывая своими мнениями, задавая вопросы, отыскивая недостатки. Патрику и Элен предстояло увидеть друг друга глазами близких. Тех, кто имел для них значение. Резкие, беспощадные лучи прожекторов высветят самые темные их уголки.

Вдохни глубоко.

Да не будет она обращать внимание на чьи-либо мнения!

Медленно выдохни.

Чушь какая-то. Будет обращать, будет. Элен хотелось, чтобы все, кого она любила, полюбили Патрика, а все, кого любил он, полюбили ее.

Вдохни. Выдохни. Вдохни...

— Забудь это! — вслух сказала Элен.

Она сдалась, отказавшись от попытки достучаться до своего внутреннего «я», и вместо этого взяла из серебряной вазы шоколадку и позволила ей медленно растаять во рту. Шоколадки лежали здесь в терапевтических целях. Они высвобождали нейротрансмиттеры вроде серотонина, приводя к ощущению благополучия, даже эйфории. Что, как говорила Джулия, было просто запутанным способом сказать, что шоколадки вкусные.

На мгновение Элен закрыла глаза и ощутила солнечное тепло на лице. Она сидела в удобном кресле, в котором обычно располагались ее клиенты. Элен частенько усаживалась в него и пыталась представить, каково это — быть на их месте, видеть ее напротив себя. Замечали ли они когда-нибудь ее сомнения или, еще хуже, ее суетность? Может, она выглядит глупо, сидя перед людьми, скрестив ноги так профессионально, так элегантно? Или солнечный свет, падающий в окно, подчеркивает крошечные волоски и морщинки вокруг ее губ?

Можно поспорить на что угодно, когда Патрик работал, склонялся, чтобы посмотреть в теодолит, поднимал руку, он никогда, ни на мгновение не испытывал никакой неловкости. Но профессия Элен — это же совсем другое дело, ведь некоторые люди по-прежнему видели в ней нечто вроде мага, или знахаря, или мошенницы. Элен помнила, как однажды встретила с одной старой знакомой и та была искренне удивлена: «Но ты ведь не занимаешься до сих пор этой ерундой с гипнозом?» Как будто все это было лишь забавным эпизодом прошлого!

— Это моя основная работа, — объяснила Элен, но знакомая, юрист крупной корпорации, решила, что она шутит, и вежливо рассмеялась.

На самом деле это было даже больше, чем основная работа. Это было ее страстью, ее профессией, ее призванием.

Кресло еще хранило тепло последней клиентки. Дебора Ванденберг, женщина, страдавшая от необъяснимой изматывающей боли в правой ноге. Боль возникала, стоило той пройти пешком дольше десяти минут. Прежде чем появиться у Элен, Дебора посетила множество психотерапевтов, хиропрактиков и спортивных врачей; ее проверяли на рентгене и магнитно-резонансном томографе, делали диагностическую операцию. Каких-то физических причин для боли явно не было. Медики в итоге пожимали плечами и говорили: «Простите, мы не знаем, в чем дело».

— Я всегда была очень активной, — сообщила она Элен. — Обожала бродить по лесу. А теперь в иные дни, когда чувствую себя в особенности плохо, мне даже до магазина трудно дойти! Эта боль практически изменила всю мою жизнь.

— Хронические боли это умеют, — согласилась Элен.

Она сама никогда ничего подобного не испытывала, но за долгие годы так много клиентов рассказывали ей истории о том, как разъедает их внутренне постоянная боль, как она лишает их радости жизни.

— Но возможно, я сумею помочь, — сказала она.

— Каждый думает, что сможет помочь. — Дебора одарила Элен вежливой, но циничной улыбкой. — Пока не отступают перед моим случаем.

Дебора немного напоминала Джулию. Высокая и уверенная, с короткими темными волосами и мальчишеской грацией, она устраивалась в кресле, скрестив длинные ноги в черных джинсах.

Она также рассказала, что очень любит готовить, так что на предыдущих сеансах Элен предлагала ей вообразить шкалу электрической плиты, которую можно использовать для того, чтобы выключить боль. Сегодня, едва усевшись, Дебора сообщила Элен, что она вроде бы понизила свою боль на одно деление, когда шла утром через парковку.

— Но возможно, мне это просто показалось, — добавила она, как будто внезапно усомнившись в самой себе.

Дебора с самого начала дала Элен понять, что она неисправимый скептик. И в конце последнего сеанса сказала даже с некоторой гордостью:

— Вы меня не подчинили, я полностью все осознавала.

— Вот и отлично, — кивнула Элен.

Она не в первый раз это слышала, и частенько даже от клиентов, которые всего мгновение назад пускали слюни, уронив челюсть, явно пребывая в глубоком трансе.

— Мы сегодня поработаем с другой шкалой, — сообщила Элен. — Думаю, можно это назвать шкалой хорошей энергии.

Дебора поджала губы в легкой усмешке:

— Звучит довольно... привлекательно.

— Уверена, вам это понравится, — твердо произнесла Элен, игнорируя усмешку.

За отрицанием прячется страх.

Элен воспользовалась простым быстрым введением, которое включало в себя ощущение все более глубокой релаксации при каждом шаге вниз по лестнице, и наблюдала за тем, как расслабляются резкие черты лица Деборы. В трансе эта женщина выглядела намного моложе. Лицо смягчилось, морщинки разгладились, и в женщине появилось нечто ранимое, обнаженное — в противоположность ее сознательному раздражающему скептицизму. Это даже вызвало у Элен почти материнские чувства.

— Я хочу, чтобы вы подумали о том времени, когда были полны уверенности в себе, — сказала она. — Покопайтесь в памяти и найдите самый идеальный момент. Кивните, когда окажетесь там.

Элен ждала, наблюдала и одновременно сама возвращалась в воспоминаниях к собственному радостному моменту, когда впервые начала практиковать гипноз. Ей было всего одиннадцать, она сидела вот в этой самой комнате, со своей бабушкой, матерью ее матери, которая верила: все, что делает внучка, великолепно. Элен как раз дочитала книгу «Как загипнотизировать любого», и бабушка согласилась стать ее первой пациенткой. Элен использовала в качестве маятника какое-то ожерелье и наблюдала за тем, как бабушкины карие глаза следят за его движением, взад-вперед, взад-вперед.

— У тебя здорово получается, — сказала потом бабушка, моргая в искреннем удивлении, как показалось Элен: это было совсем не похоже на ее слишком щедрые

аплодисменты после игры внучки на флейте. — Думаю, у тебя может быть дар.

Думаю, у тебя может быть дар...

Самые прекрасные и самые удивительные слова из всех, какие только можно услышать. Это было похоже на те моменты в фильмах, когда супергерои открывают ранее скрытые силы, или, может быть, на то, как чувствуют себя монахини, впервые внимая призрачному гласу Бога, шепчущему что-то в их невинные уши.

Дебора, все так же с закрытыми глазами и слегка порозовевшими щеками, кивнула, давая знать, что нашла нужный момент. На мгновение Элен стало интересно, что такое вспоминала сейчас Дебора.

— То чувство, что оживает в вас в эту минуту, — это то самое чувство, которое вы должны научиться вызывать в себе тогда, когда в нем нуждаетесь. Как только вы прижмете большой палец к ладони правой руки, вы снова вызовете это ощущение. Чем сильнее будете нажимать, тем ярче будет ощущение, и наконец оно наполнит все ваше тело, как электричество. — Элен повысила голос, придавая ему настойчивость и силу, которые должна была почувствовать Дебора. — И когда в следующий раз вы ощутите боль, вы сможете это сделать. Сначала используйте шкалу отключения, чтобы боль ослабла, а потом вы можете воспользоваться диском включения энергии, чтобы воссоздать вот это ощущение силы, мощи. — Элен видела, как по лицу Деборы пробежала тень сомнения, и мгновенно перешла на более авторитарный, отцовский тон. — Дебора, ты обладаешь способностью сделать это. Вся сила в тебе, внутри тебя. Ты даже превзойдешь эти техники. Ты можешь освободиться от боли. Ты можешь освободиться от боли.

Несколько минут спустя Элен вывела Дебору из транса.

Та моргнула с дезориентированным, рассеянным видом, как пассажир, просыпающийся в самолете, и тут же бросила быстрый взгляд на наручные часы. Потом провела ладонями по волосам и сказала:

— Я снова не впала в транс.

И сразу достала из сумочки кошелек.

Элен лишь кивнула и придвинула к пациентке вазу с шоколадками. Позже, когда они уже стояли в прихожей и Дебора надевала пальто, она медленно произнесла, не глядя на Элен и сосредоточившись на застегивании пуговиц:

— А знаете, возможно, вы и в самом деле меня лечите.

— Я вас не лечу, — напомнила ей Элен. — Физическая причина может по-прежнему оставаться там, где она скрывается. Я просто помогаю вам найти способ справиться с болью.

— Да, но это может и в самом деле работать, — сказала Дебора, и в ее взгляде отразились удивление и уважение, как это было с бабушкой много лет назад.

Теперь Элен улыбнулась, вспоминая тот момент. Она ощущала удовлетворение от своей работы.

Элен открыла ежедневник — и улыбка на ее лице растаяла, когда взгляд упал на имя последней в этот день клиентки: Мэри-Бет Макмастерс. Ну и ладно. Сегодня больше не будет удивленных и уважительных взглядов.

Она посмотрела на часы. Еще оставалось время для того, чтобы Мэри-Бет успела отменить встречу. Вот уже три раза та звонила в самую последнюю минуту сообщить, что не может уйти из офиса. Макмастерс работает помощником юриста и, когда отменяет встречу, всегда говорит тоном человека чрезвычайно занятого и полного осознания собственной значимости. Будто юридическая фирма, в которой она служит, вообще не сможет без нее

функционировать.

Элен выбрала себя за такие мысли. Может быть, Мэри-Бет и в самом деле была незаменима. К тому же она всегда настаивала на оплате половины суммы гонорара за несостоявшиеся встречи, о чем говорилось в прайс-листе Элен, — такова была плата при условии, если встреча отменялась позднее, чем за двадцать четыре часа. Хотя Элен никогда не требовала выполнения этого пункта условий. Ей самой была противна мысль о том, чтобы брать деньги за то, что она ничего не делала.

Звякнул звонок у входной двери, и Элен выругалась, как будто внезапно споткнулась. То есть ее раздражала и отмена встреч с Мэри-Бет, и необходимость встречаться с ней. По совершенно непонятной причине Элен испытывала необъяснимую антипатию к этой несчастной и грустной женщине. В чем тут было дело? Конечно, у нее и прежде бывали клиенты, которые ей не нравились, а были и такие, которые нравились больше других, но она никогда не испытывала подобного внутреннего чувства неудовольствия.

Если она не будет держаться как можно более осторожно, ее неприязнь испортит терапию — Мэри-Бет может подсознательно все ощутить.

Элен напомнила себе один из постулатов буддийского учения: «Мы все одинаковы, мы все — единое целое». Элен была Мэри-Бет, а Мэри-Бет была Элен.

Ммм...

Она распахнула дверь с теплой приветливой улыбкой:

— Мэри-Бет! Прекрасно, что вы пришли!

— Уверена, видеть меня — просто подарок! — саркастично откликнулась Мэри-Бет.

Но она ведь не могла слышать ругательство Элен, не могла же?

Как обычно, Мэри-Бет была одета во все черное. Это невысокая коренастая женщина, немного грузная, с длинными прямыми волосами, разделенными пробором посередине, как это делали «дети цветов» в семидесятые годы, вот только отсутствовало свежее детское личико для такой прически. У Мэри-Бет было лицо человека обидчивого и напуганного.

«Ох, до чего же депрессивный вид», — подумала Элен.

Ей ужасно хотелось предложить Мэри-Бет полностью изменить внешность, подстричь волосы, прибавить им объема и цвета, переодеться во что угодно, кроме черного. Ведь на самом деле у этой женщины вполне симпатичное лицо. Один лишь мазок губной помады мог полностью ее преобразить!

Боже праведный, Элен, кажется, превращалась в чью-то ужасную мамашу!

— Не желаете воспользоваться ванной комнатой? — спросила она Мэри-Бет.

Элен всегда спрашивала клиентов, не нужно ли им в туалет; переполненный мочевой пузырь был наихудшим сопровождением гипнотического сеанса.

— Нет, спасибо, — ответила Мэри-Бет. — Давайте сразу приступим к делу.

Когда Мэри-Бет уже сидела в зеленом кресле, как-то умудрившись сделать вид, что это самое неудобное кресло в мире, Элен открыла ее файл.

— Как вы себя чувствовали после нашей последней встречи? — спросила она.

— Да как обычно — жирной коровой. А вы как поживали?

Элен внимательно посмотрела на нее:

— Вас беспокоит ваш вес?

— Нет. Да, конечно, это же очевидно, но не важно. — Мэри-Бет вздохнула и зевнула. — Сегодня пятница. У вас есть интересные планы на выходные? Встречаетесь с друзьями? Родными?

— Никаких особых планов нет, — ответила Элен. — Давайте-ка расскажите мне, не желаете ли поработать над потерей веса?

Когда Мэри-Бет впервые пришла к Элен, она заявила, что хочет подвергнуться гипнотерапии, поскольку начала испытывать страх при поездках через туннель под Сиднейским заливом, и ей бы хотелось справиться с этим, пока страх не превратился в нечто более серьезное. Она ни словом не упомянула о своем весе, но такое частенько случалось с клиентами Элен. Настоящая причина их визитов иногда выявлялась только после нескольких сеансов.

— Похоже, в прошлой жизни мне здорово не хватало картофеля, — сказала Мэри-Бет. — И теперь я пытаюсь восполнить этот недостаток. И потому мне постоянно отчаянно хочется картошки.

— Ну, гипнотерапия может тут оказаться весьма полезной...

— Да не верю я в прошлые жизни! — агрессивно огрызнулась Мэри-Бет. — Это же полная чушь!

— Кажется, мы об этом уже говорили, — мягко произнесла Элен: ей не слишком понравилось слово «чушь», и они действительно какое-то время обсуждали неверие Мэри-Бет в прошлые жизни.

— Но ведь вы не можете возвращать людей в их прошлые жизни.

— Я не могу предложить погружение в прежние существования, — заговорила Элен. — Но у меня были такие клиенты, которые не сомневались в том, что они под гипнозом переживали свои прошлые рождения. У меня на этот счет широкие взгляды. — (Мэри-Бет ухмыльнулась.) — Вам приходилось ездить по туннелю под заливом после нашей последней встречи? — спросила Элен.

Мэри-Бет передернула плечами:

— Да, приходилось. И в общем я себя прекрасно чувствовала. Должно быть, с этим я справилась.

Элен изучающе всмотрелась в нее:

— Мэри-Бет, тогда чего вы ждете от сегодняшнего сеанса?

Та снова вздохнула. Презрительно оглядела комнату, как будто находилась в дешевом гостиничном номере, наклонилась вперед, взяла шоколадку, но тут же передумала и бросила ее обратно в вазу.

Наконец она произнесла:

— Знаете, думаю, мне все-таки нужно заглянуть в туалетную комнату.

* * *

Почему-то это вызвало облегчение — когда я снова ее увидела.

Не знаю, что она чувствует по отношению ко мне, но мне она вроде бы даже нравится. То есть меня буквально тошнит от самого факта ее существования, но в то же время я нахожу ее до странности притягательной.

Это почти извращенное чувство. Как будто вы знакомитесь с каким-то человеком и он кажется вам отвратительным, но в то же время вам хочется очутиться с ним в постели. И когда это происходит, вы в восторге, однако потом испытываете острое сожаление. Как тот похожий на обезьяну парень, с которым я познакомилась на одном из рождественских

приемов для клиентов компании в прошлом году. От него слишком сильно пахло лосьоном после бритья, а драгоценностей на нем висело больше, чем на мне. Секс с ним был великолепен, но потом я чувствовала себя как жертва изнасилования, долго отмывалась в душе и рыдала по Патрику. Это напоминает отвращение к себе после того, как съешь что-нибудь чудовищно жирное.

Элен не стала бы есть всякую дрянь. Наверное, она питается в основном тофу и чечевицей. Интересно, ужасается ли она любви Патрика к пицце?

Конечно, я совсем не мечтаю забраться к ней в постель. Просто хочу знать о ней все-все. Хочу наблюдать за ней в любых, даже самых невероятных ситуациях, хочу залезть в ее мозг и в ее тело. Стать ею, пусть хотя бы на один день.

Я ничего подобного не чувствовала ни к одной из тех девушек, с которыми встречался Патрик. Но эта история с Элен...

Мне отчего-то становится хорошо, когда я произношу ее имя. И во время последнего сеанса я произносила его то и дело: «Спасибо, Элен», «Увидимся через неделю, Элен». Каждый раз при этом я как будто была по самодовольному лицу Патрика.

Не думай, что ты сбежал от меня, мой мальчик. Пусть твое строительство новой жизни не имеет ко мне никакого отношения, но я по-прежнему здесь, рядом. Треплю по чем зря ее имя. Даже побывала в ее доме. Пользовалась ее ванной комнатой. Я знаю, какой именно дезодорант и какие тампоны она использует. В ней нет ничего особенного.

Кроме, может быть, того, что она собой представляет. Она, возможно, даже слишком хороша для тебя, парень. Элен, пожалуй, не из твоей лиги. Не из нашей лиги.

Суть в том, что Элен производит впечатление человека, абсолютно одинакового и внутри, и снаружи. И это впечатление создается само собой, постоянно, словно в этой женщине нет ни хитрости, ни притворства, как будто ей даже не приходится думать над каждым произносимым словом, чтобы убедиться, что эти слова производят именно то действие, какое ей хочется.

Конечно, она должна иметь некое подобие словесного фильтра. Каждый человек имеет такой фильтр. Только ее собственный представляет собой нечто чрезвычайно эффективное и простое, и он тщательно удаляет все то, что может случайно обидеть собеседника.

Вот мой собственный фильтр — это настоящий лабиринт труб, туннелей и сеток, которые превращают то, что я думаю, в нечто приемлемое, такое, что можно произнести вслух в зависимости от ситуации и персоны и еще того, что я стараюсь доказать в данный конкретный момент.

А ей нечего доказывать. Она действительно верит во всю эту фигню насчет «силы разума». Верит страстно. Это нечто вроде ее личной религии.

Поначалу Элен показалась мне немножко ханжой, но, думаю, она действительно хороший человек — в том самом, весьма старомодном смысле этого слова. Она желает всему миру только добра. А в этом мы с тобой, Патрик, вроде как неполноценны, а? Мы ведь не желаем добра другим, правда?

Рядом с ней я чувствую себя фальшивкой, и не по той причине, что кажется очевидной. Если бы я встретилась с ней в своем настоящем облике, под своим именем, я бы все равно постоянно осознавала разницу между нами.

Патрик, я вполне понимаю, почему ты можешь думать, что любишь ее. Действительно понимаю. Ведь я и сама немножко люблю ее.

Был когда-то и наш с тобой первый канун Рождества, когда мы заснули на спине, как

будто загорали; мы держались за руки, а на наших губах оставался чудесный вкус клубники после того потрясающего ликера, что подарил нам Стинки. Вентилятор на потолке лениво вращался, и сама комната как будто чуть-чуть покачивалась, и помню, как я думала, что мы с тобой похожи на двоих детишек, плывущих на плоту вниз по волшебной реке.

Та ночь действительно была. Мне плевать, насколько нежна или чистосердечна Элен, но та ночь случилась. Наша ночь.

Тогда Элен даже не существовала.

Помнишь, как однажды мы столкнулись с Кэмерон Диас? Вот так же должно было произойти и с Элен. Мы должны были столкнуться с ней на каком-нибудь ужине, а потом, возвращаясь домой, могли бы поговорить о том, как она мила и какое это интересное и загадочное дело — гипноз, а к тому времени, когда бы мы добрались до дома, мы бы уже забыли о ней.

Она чрезвычайно мила, Патрик, но она вроде Кэмерон Диас. Она не предназначена для того, чтобы стать реальной участницей нашей жизни. Она к нам не имеет никакого отношения.

* * *

Элен с Патриком ехали к дому ее матери. За рулем сидел Патрик. Он был из тех мужчин, которые автоматически воспринимают вождение как свое дело, а Элен это не слишком нравилось. Она чересчур нервный водитель. И, кроме того, она помнила, как Джон всегда тщательно, поровну делил с ней место за рулем. «Теперь твоя очередь», — говорил он, передавая ей ключи, а потом вздыхал, фыркал и всю дорогу делал замечания по поводу ее стиля вождения.

— Так что, твоя мать ни с кем не встречалась после исчезновения отца? Боже! Да здесь просто безумное движение! — Патрик нажал на тормоз, машина дернулась. — Извини.

Он явно нервничал. И Элен весьма сожалела о том, что не может его утешить какими-нибудь словами вроде: «Ой, да моя мать будет в восторге от тебя!»

Анна, скорее всего, не придет в восторг от Патрика. Из всех прежних приятелей Элен матери больше прочих нравился Джон, с его остроумными и ядовитыми замечаниями. Конечно, он ей нравился. Джон нанес самый серьезный урон чувству собственного достоинства Элен: он был тем, кого она любила, но кто на самом деле не полюбил ее в ответ.

Если бы только у Элен была одна из тех милых, слегка полноватых болтливых мам, которые имеют весьма смутное представление о политике и бизнесе и вообще обо всем, что находится за пределами их домашней реальности. Если бы у нее был седовласый, вооруженный очками отец, который мог бы тепло пожать руку Патрику и задать ему несколько чисто мужских вопросов о его работе, в то время как милая мама хлопотала бы вокруг, пытаясь уговорить «парнишку» съесть еще один кусочек сдобной ватрушки.

Но ничего даже отдаленно похожего у нее не имелось.

— У мамы было несколько довольно продолжительных романов за все эти годы, — сказала она Патрику. — Но сейчас никого нет.

— А твой отец... Он что, просто... отсутствует?

— Он никогда и не присутствовал. — Элен немного помолчала, чувствуя легкий всплеск раздражения. — Я уже говорила об этом.

Элен рассказала Патрику историю своей семьи через несколько недель после того, как они начали встречаться. За многие годы она уже научилась излагать эту историю так, что та выглядела как идеальный застольный анекдот. Немножко необычный, интересный и личный, но личный ровно настолько, чтобы не вызывать у гостей стеснительных эмоций и не заставлять их неловко ерзать на стульях.

Она традиционно начинала одними и теми же словами: «Моя мать всегда была женщиной, опережавшей свое время». Потом объясняла, что однажды утром, первого января 1971 года, чрезвычайно практичная доктор Анна О'Фаррел приняла новогоднее решение: стать матерью-одиночкой. Она была успешной и независимой женщиной слегка за тридцать и не особо желала выходить замуж, но, как ни странно, хотела иметь ребенка. И с помощью двух своих ближайших подруг составила список потенциальных кандидатов в отцы, учтя все их положительные и отрицательные стороны: уровень образованности, материальное положение и особенности личности.

Анна сохранила эти листы и отдала их Элен, когда та была еще подростком. Ее «отцом» был один из списка, с пометкой напротив фамилии «85 %», обведенной кружочком. Высочайшая оценка, потому что возле фамилии другого претендента стояло «10 %».

Положительными качествами ее отца были «высокий уровень образования» (он был хирургом, Анна познакомилась с ним в университете), «хорошие зубы», «маленькие уши» (мать Элен питала отвращение к большим оттопыренным ушам), «отличная кожа», «отсутствие в роду сердечных заболеваний, диабета или склонности к простудам», а также «прекрасные социальные навыки».

К отрицательным моментам относились «слабое зрение» (он носил очки), «склонность к спиритуализму», «мать, гадающая на картах Таро», «странноватое чувство юмора» и «постоянное желание жениться».

В последние годы Элен начала то и дело задумываться над пунктом «постоянное желание жениться». Она не знала, то ли весь мир становился более нравственным — ну, нечто вроде возрастающего уровня глобальной стыдливости, — то ли просто ее ближайшее окружение становилось все более консервативным.

Однако склонность ее отца к женитьбе явно не превратилась в препятствие. Его легко было соблазнить, и не однажды, но именно такое количество раз, какое было необходимо для зачатия, в нужные дни до и после овуляции.

— В конце концов все получилось, — пояснила мать.

Дело было сделано. Работа проведена не напрасно. А «отец» Элен два месяца спустя женился и переехал в Великобританию, так и не узнав о существовании дочери.

— А что, если мне захочется поехать туда и найти своего отца? — спросила Элен у матери, когда проходила через самый бурный, бунтарский, хотя и короткий период подростковых проблем, и даже сама содрогнулась от звука незнакомого, почти сексуального слова, сорвавшегося с ее губ, — «отец».

— Я не кинусь тебя отговаривать. — Анна даже не подняла глаз от газеты, которую читала в тот момент. — Но это было бы очень грубо и жестоко по отношению к его жене.

Конечно же, Элен никогда бы не стала сознательно совершать грубого или жестокого поступка, да и сама мысль о реальной встрече с этим мужчиной средних лет наполняла ее смущением. Отцы ее подруг были большими и волосатыми и обладали низкими голосами, иногда бывали забавными, но чаще скучными и в общем почему-то не имели отношения к реальной жизни подростков.

Подруги матери, Мелани и Филиппа, собственных детей так и не завели. Они стали крестными Элен и разделили с ней основную часть ее детства, живя в одном доме с ее матерью. У них то и дело появлялись какие-то приятели, приезжавшие для того, чтобы увезти дам на свидание. Иногда они даже присутствовали за завтраком. Мужчины тогда бывали небриты и за столом разговаривали хриплыми голосами, но в основном все эти ухажеры представляли собой нечто вроде забавного фона ее жизни; их манеры и внешность критически разбирались с большим весельем, прежде чем те исчезали окончательно. Хотя Мелани в конце концов, когда ей было уже за пятьдесят, вышла замуж на стеснительного, непроницаемого мужчину. Тот, похоже, делал ее весьма счастливой и при этом не слишком мешал ее общественной жизни.

— Это как иметь сразу трех матерей, — обычно говорила Элен, и это было чистой правдой.

Три успешные, своевольные, одинокие женщины в равной степени влияли на Элен в процессе ее взросления.

— Я как будто росла в лесбийской коммуне, — продолжала Элен, но когда повзрослела, то перестала это говорить, потому что ей уже хотелось производить впечатление умудренной опытом и беспристрастной. К тому же, возможно, это могло выглядеть немножко неуважительно по отношению к лесбиянкам, тем более что на самом-то деле Элен понятия не имела, каково это — жить в лесбийской коммуне, а заодно не знала и того, существуют ли вообще такие коммуны. — Так что мой отец был, по сути, всего лишь донором спермы. Только он этого не знал. — Так Элен обычно заканчивала свою историю.

Как правило, в итоге возникало энергичное обсуждение, и собеседники могли говорить что-нибудь вроде: «Ага! Так вот откуда у тебя этот дар к гипнозу — от твоего отца-спиритуалиста и от бабушки с картами Таро!» Как будто они были первыми в мире, кому это пришло в голову. А кто-нибудь даже принимался восхвалять поступок ее матери, хотя другие могли вежливо — или не слишком вежливо — высказать свое неодобрение.

Элен ничего не имела против неодобрения. Она и сама-то не была уверена, что согласна со всем этим, но знала: ее матери совершенно наплевать, кто и что об этом подумает. А поскольку Элен рассказывала свою историю много раз, то постепенно как бы отстранилась от нее. Это походило на историю Джулии о том, как ее отец похитил Джулию и ее брата во время мучительного процесса об опеке между ее родителями. Он даже перекрасил им волосы в каштановый цвет. Потом была безумная погоня. Элен знала, что некогда Джулия испытывала сильные чувства при этих воспоминаниях. Возможно, до сих пор они сохранились на подсознательном уровне, но теперь все это превратилось просто в интересный, завлекательный рассказ. Подходящий для вечеринок.

Патрик внимательно выслушал историю Элен, а в конце сказал:

— Для твоей матери это лишь к лучшему, но мне жаль, что у тебя не было настоящего отца.

— Невозможно сожалеть о том, чего у тебя нет, — возразила Элен, хотя и сама не ощущала в том уверенности, однако она уж точно не рыдала в детстве в подушку, тоскуя по «папочке». — Может быть, все было бы иначе, если бы я была мальчиком.

— Думаю, дочери точно так же нуждаются в отцах, — мрачновато произнес Патрик.

Эта его серьезность заставила Элен влюбиться в него еще чуточку сильнее и даже представить, как он нежно держит на руках малышку (ну да, конечно, их собственную с Элен дочку) — как мужчина в рекламе детской присыпки.

А теперь он спрашивал: «А твой отец просто исчез?» — как будто на самом деле и не слушал по-настоящему или слышал это на какой-нибудь вечеринке много лет назад и не мог припомнить подробности.

Это выглядело уж слишком разочаровывающе. Элен вновь ощутила то тошнотворное тревожное чувство. А что, если ей просто захотелось безумно влюбиться в этого человека? Что, если все это гигантский самообман? Что, если на самом деле он поверхностный, самовлюбленный болван?

Интересно, была бы Элен более подготовлена к тому, чтобы выбрать достойного мужчину, если бы росла рядом с отцом? Возможно. То есть на самом деле почти наверняка. После того как мать так отреагировала на ее вызывающее предположение о встрече с отцом, Элен принялась изучать психологию дочерей, лишенных отцов. Даже сделала кое-какие распечатки, отметив наиболее интересные места желтым маркером.

— И чего ты, собственно, ждешь от меня в связи с этим? — спросила мать, увидев листы. — Чтобы я всегда возвращалась домой вовремя и понимала тебя?

— Чтобы ты почувствовала себя виноватой, — ответила ей Элен.

Анна засмеялась. Понятия вины не было в ее эмоциональном словаре.

— Извини, — сказал Патрик, когда светофор сменился на зеленый и их машина немножко продвинулась. — Я знаю, ты никогда не видела своего отца. Просто нервничаю. У меня такое чувство, словно я должен пройти собеседование перед приемом на работу. Я не слишком опытен в этом деле и с трудом справляюсь, особенно когда мне очень хочется получить работу.

Элен посмотрела на Патрика и заметила, как на его лице мелькнуло выражение почти пугающей ранимости. И на мгновение он стал очень похож на собственного сына.

— А когда я нервничаю, то начинаю болтать всякую ерунду, в которой и смысла-то никакого нет, — продолжил Патрик. И тут же нахмурился, глянув в зеркало заднего вида. — К тому же я немного рассеян, потому что наша подруга вернулась.

— Подруга? — переспросила Элен.

— Наша чокнутая подружка. Она едет за нами.

— Саския снова нас преследует? — Элен резко развернулась на сиденье и внимательно осмотрела идущие позади автомобили. — Где? Какая машина?

— Да, это просто потрясающе! Фантастично! Это именно то, что тебе по-настоящему нужно: чтобы твоя бывшая тащила за тобой, когда ты впервые едешь знакомиться с семьей твоей подруги! — бормотал Патрик.

— Да, но где она?

Ремень безопасности сдавил шею Элен. Прямо позади них тащился грузовик, за рулем сидел мужчина, он закрыл глаза и барабанил пальцами по здоровенному рулю, а его губы при этом шевелились, потому что он подпевал какой-то песенке.

— В соседнем ряду, на пару машин сзади, — сказал Патрик. — Не беспокойся. Я намерен от нее оторваться.

Он резко нажал на акселератор, и машина рванулась вперед. Элен повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как светофор поменял свет с желтого на красный. Когда же вновь посмотрела назад, они уже пересекали перекресток, оставляя позади волну застывших автомобилей.

— Какого цвета машина? — в отчаянии спросила она. — Какого цвета?

— Ушли, — радостно сообщил Патрик. — Смотри-ка, мы уже едем дальше.

Я потеряла их на светофоре и не смогла понять, в какую сторону они повернули.

Может быть, они собирались на встречу с какими-то ее друзьями. У Патрика нет никаких знакомых, живущих в этой стороне.

Я видела, как Элен развернулась. Интересно, не пыталась ли она увидеть меня? Патрик, наверное, заметил, что я еду следом. Когда он осознает, что я за спиной, то тут же газует и потом ведет машину крайне неровно. Иногда тычет в мою сторону пальцем. Один раз я даже видела, как ему выписали штраф за то, что, пытаясь уйти от меня, он повернул направо там, где это было запрещено. Я даже почувствовала себя виноватой, потому что Патрик всегда гордился тем, что за двадцать лет вождения его ни разу не штрафовали. Я послала ему на работу бутылку вина в качестве извинения. Вино выбрала со значением. Белое «Пеппер три». Мы обнаружили это вино, когда в последнее лето, проведенное вместе, ездили в долину Хантер. А потом купили целый ящик и буквально привязались к нему. Так что не представляю, как бы он мог выпить это вино, не думая обо мне. Но в тот вечер я ждала у его офиса — и видела, как одна из тех девушек, с которыми он работает, вышла к своей машине, держа в руках ту самую — мою — бутылку вина. Я узнала подарок, потому что завернула его в красивую синюю бумагу. Патрик не потрудился даже развернуть упаковку. Просто отдал вино той девушке.

Пытаюсь вообразить, как он описывает меня своей гипнотизерше. Элен. Догадываюсь, что называет меня психопаткой. Однажды он даже наорал на меня. Я шла за ним, когда Патрик отправился в ближайший к дому магазин, и вдруг он резко развернулся и зашагал напрямик ко мне. Я остановилась и ждала, улыбаясь. Думала, мы наконец-то сможем нормально поговорить. Но потом, когда он подошел ближе, я увидела, что улыбка у него саркастическая и злобная. Он ткнул пальцем почти в мое лицо и заорал: «Ты сумасшедшая психопатка!»

И это... Ну, понимаете, это могло бы выглядеть забавным при других обстоятельствах, вот только мне показалось, что он хочет меня ударить.

Он был так взбешен, что дрожал с головы до ног.

Вообще-то, я как будто даже желала, чтобы Патрик меня ударил. Мне было нужно, чтобы он меня ударил. Если он никогда больше не собирается меня обнять, то мог хотя бы ударить. Тогда между нами снова возникла бы связь. Плоть против плоти.

Но Патрик этого не сделал. Обхватив голову, он раскачивался, как ребенок, страдающий аутизмом. Мне так хотелось успокоить его, утешить. Ему незачем было так волноваться. Ведь перед ним стояла всего лишь я. Та же самая я, что и прежде. Похоже, он не в силах был этого понять. И я сказала: «Милый».

Он уронил руки, и я увидела, что глаза у него красные и влажные.

Патрик отрезал: «Не называй меня так!» — и тут же ушел. А я осталась стоять на месте, глядя на список новых товаров, приклеенный изнутри к витрине магазинчика — того самого магазинчика, где мы всегда покупали рыбу и жареную картошку в субботние вечера.

Вот так оно и вышло. Теперь я пребываю в постоянной роли сумасшедшей. И Патрик будет думать обо мне как о чокнутой. А прежде он думал, что я забавная шельма, и что у

меня прекрасные глаза, и что я одна из самых щедрых людей, каких только ему приходилось встречать. Да, все это он говорил мне и в то время именно так и считал.

Но теперь я просто ненормальная.

Единственный для меня способ перестать выглядеть безумной в его глазах — это исчезнуть из его жизни. Как и ожидается от бывших подруг. Незаметно раствориться в прошлом.

И именно это и доводит меня... до безумия.

* * *

Элен заметила, как в Патрике снова пробудились сомнения — «может, сбежать?» — когда они шли от машины к дверям дома ее матери.

«Ох, бедненький ты мой», — подумала она.

Элен отлично помнила, как она впервые привезла сюда Джона; помнила, как его ленивые глаза с тяжелыми веками оглядывали все вокруг с выражением явного превосходства. А ясные зеленые глаза Патрика метались по сторонам, словно искали возможные пути отступления. А еще Патрик то и дело нервно откашливался.

Для него имело значение то, что подумает о нем мать Элен. Это имело значение для него, а потому и для самой Элен.

Бедняга. Его нервозность вполне понятна. Джон просто был исключением; большинство мужчин сочло бы такую ситуацию пугающей.

Три невероятно элегантные, чрезвычайно уверенные в себе женщины в возрасте слегка за шестьдесят. Все три одинаково держащие кончиками ногтей тонкие коктейльные соломинки. Все три причудливо одетые почти полностью в белое, дабы соответствовать «белой теме» гостиной матери Элен — белые диваны, белые стены, белые украшения, — одинаково спорхнули с высоких табуретов, на которых они восседали, чтобы расцеловать Патрика в обе щеки. Но он-то ожидал поцелуя в одну щечку и постоянно поворачивался не тем боком, и ему пришлось весьма неловко сгибать колени, чтобы дамы могли дотянуться до него.

— Зачем это вы все вырядились в белое? — спросила Элен. — Вы же сливаетесь с мебелью!

В ответ раздался мелодичный смех.

— Мы и сами глазам не поверили, когда друг друга увидели! — промурлыкала Филиппа.

— Мы выглядим, как Бетт Мидлер в фильме «Клуб первых жен». Но это не значит, что мы когда-то были женами.

Элен видела, как взгляд ее матери остановился на наряде Патрика — загородном варианте одежды делового человека: синие джинсы и джинсовая рубашка с закатанными до локтя рукавами. Джон всегда носил одежду от Армани, Версаче и еще каких-то итальянских модельеров, настолько изысканных, что Элен о них и слухом не слыхивала.

— Ах, Анна, но Мел-то нынче — жена! — напомнила ей Филиппа.

— Да, конечно. Просто я никогда о ней не думаю так. Мел, это комплимент!

— Я весьма польщена.

— А кто еще был в том фильме? — пропела Филиппа. — Бетт Мидлер, Голди Хоун и кто-то еще. Кто-то, кто мне нравится. Патрик, вы знаете?

Патрик был явно поражен.

— О... нет, я не...

— Мы так решили, потому что прочитали одну и ту же статью в журнале «Вог», — сообщила Мел. — Насчет расцветок, подходящих для женщин «за пятьдесят». Хотя в строгом смысле нельзя сказать, что нам за пятьдесят.

— Говори за себя, — тут же возразила Анна.

Мать Элен считала истинным оскорблением любое напоминание о ее настоящем возрасте.

— Да ты на тридцать четыре дня старше меня, Анна О'Фаррел!

— Дайан Китон! — воскликнула Филиппа. — Вот кто была третья жена! Слава богу, я вспомнила. Меня это всю ночь мучило.

— Патрик, что вам предложить? Пиво, вино, шампанское, что-нибудь покрепче? У вас усталый вид.

Мать Элен сосредоточила взгляд фиолетовых глаз на Патрике, как хищная птица на потенциальной жертве.

Глаза Анны нельзя было не заметить. Ее друзья считали, что если бы в молодости она решила посоперничать с Элизабет Тэйлор, кто из них красивее, то вполне могла бы выиграть такое соревнование, если бы сочла, что ей это нужно. К несчастью, Элен не унаследовала этот прекрасный цвет. Конечно, ее желание или нежелание было тут ни при чем, хотя Элен всегда подозревала, что на самом деле у ее матери был выбор, только она решила сохранить это великолепие исключительно для себя. Она весьма гордилась своими глазами.

Патрик вновь откашлялся:

— Пиво было бы в самый раз, спасибо, э-э...

— Элен, ты до сих пор не представила нас друг другу должным образом. Бедняга, наверное, думает, что случайно забрел в какой-нибудь гарем в отставке.

— Да ты же не давала мне и слово вставить, — возразила Элен. Она положила ладонь на руку Патрика. — Патрик, это моя мать, Анна.

— Замечаете сходство? — Анна похлопала ресницами, протягивая ему стакан пива.

— Я не... я не уверен. — Патрик сжал стакан.

— А это мои крестные, Мел и Пип, — продолжила Элен, игнорируя свою мать. — Или ты сегодня Филиппа? Она называет себя то так, то эдак.

— Это зависит от того, толстая я или худая, — пояснила Филиппа. Она одарила Патрика улыбкой и провела ладонями по своим пухлым бокам. — И совершенно очевидно, кто я прямо сейчас, не правда ли?

По лицу Патрика пробежало выражение откровенной паники.

— Филиппа, — уточнила Элен.

— Ага! То есть недостаточно худощава для Пип. Элен, мне просто необходимо снова пройти у тебя несколько сеансов гипнотерапии. — Филиппа повернулась к Патрику с предельно серьезным видом. — Я страдаю от самой что ни на есть убийственной зависимости от углеводов!

— Ну, это... — начал было Патрик.

Но он явно не имел ни малейшего представления о том, как завершить фразу, и потому просто глотнул пива с таким видом, словно от этого зависела вся его жизнь.

— Я уже пыталась с помощью гипнотерапии Элен избавиться от этой зависимости.

— Вот только она хихикала в течение всего сеанса, — вздохнула Элен, а ее мать подала

ей бокал белого вина, не спрашивая, чего хочет дочь; кстати, Элен предпочла бы сейчас апельсиновый сок.

— Идите-ка сюда, Патрик, поговорим о чем-нибудь разумном, — сказала Мел. И хлопнула по табурету рядом с собой. — Элен говорила, что вы геодезист, это так? У моего деда была потрясающая коллекция старинных карт, он оставил ее мне. Думаю, самая старая датируется примерно тысяча восемьсот двадцатым годом.

Патрик отставил стакан с пивом и заговорил своим обычным, нормальным голосом:

— Неужели?

Мел жестом приказала Патрику сесть рядом с ней и придвинула к нему тарелку с хлебом и семгой. Элен видела, как постепенно расслабились плечи Патрика, когда Мел спокойно заговорила с ним, переводя разговор в мужское русло, на почву фактов, где тот чувствовал себя вполне уверенно.

Элен всегда думала, что из Мел могла бы выйти весьма дипломатичная жена, потому что она обладала даром изящно и с пониманием говорить на любую тему.

Хотя сама Мел нашла такое определение весьма женофобским. «Я могла бы стать дипломатом, большое спасибо» — так она говорила.

— Идем-ка поможем твоей матери. — Филиппа схватила Элен за руку.

— О Пип, как это мило с твоей стороны! — откликнулась Анна, все еще не сводя фиолетовых глаз с Патрика.

— Милая, он просто восхитителен! — заявила Филиппа, как только они очутились в идеально чистой кухне Анны. — Могу поспорить, он принадлежит к типу сильных и молчаливых мужчин, ведь так? Я просто вижу его где-нибудь на вершине горы с геодезическим оборудованием, и он щурится на солнце.

— Нет, — ответила Элен, хотя ей хотелось бы видеть Патрика именно таким. — Ничего похожего, совершенно. Он очень даже разговорчив, когда у него есть возможность поболтать. И в основном Патрик занимается подготовкой площадок для строительства домов.

— Ох, быть молодой и влюбленной! — с тоской произнесла Филиппа. — Обожаю быть влюбленной. Я всегда так худею от этого!

— Помню, как ты сидела вот в этой кухне и говорила нам с Джулией: «Ох, быть молодой и влюбленной...», нам тогда было по семнадцать, — заметила Элен. И немного помолчала. — А значит, ты была не старше, чем я сейчас!

— Кстати, о Джулии, — вмешалась ее мать. Ей никогда не требовалась чья-либо помощь, и она как раз заканчивала последние приготовления, изящно раскладывая закуски на огромных квадратных тарелках. Белых, конечно же. Все пахло просто божественно, но не оставляло сомнений в том, что Патрик предложит купить пиццу на обратном пути, а Филиппа уже тянулась к корзинке с хлебом. — В субботу я виделась с ее матерью на занятиях йогой. И она сказала, что у твоего нового друга имеется какая-то преследовательница.

— Сарафанное радио работает безупречно, — пробормотала Элен.

Ей иногда казалось, что она так и не покинула пределы маленького закрытого мирка частной школы, когда матери ее подруг состояли в одном и том же комитете.

— Преследовательница! — Филиппа вытаращила глаза. — Как интересно!

— Ох да, это будет более чем интересно, Пип, когда мою дочь найдут мертвой в какой-нибудь канаве. — Анна произнесла это, засунув голову в огромный холодильник.

— Это что, его бывшая любовница? — продолжила Филиппа, не обратив на Анну

внимания. — Женщина, которую он бросил? Или просто какая-то случайная маньячка, которой он показался симпатичным?

Анна выбралась из холодильника и поставила на кухонную стойку бутылку с ароматическим уксусом, стукнув ею с излишней силой.

— Эта особа проявляет какую-то склонность к насилию? — спросила она. — Патрик обращался в полицию?

— Это просто его бывшая подруга, и она не заходит слишком далеко, — ответила Элен. — Так что на самом деле тревожиться не о чем.

Интересно, как отреагировала бы ее мать, узнай она, что Саския гналась за ними сегодня вечером. Или что Элен ощутила явное разочарование, когда они оторвались от нее на светофоре.

— Просто пообещай мне, что будешь осторожна. Ты постоянно встречаешься с людьми, Элен, и они, конечно, восхитительны, но не будь слишком наивной, — сказала Анна.

Элен улыбнулась матери:

— Должно быть, я унаследовала склонность восхищаться людьми от отца.

Но Анна не ответила ей улыбкой.

— Уж точно тебе это досталось не от меня.

— Совершенно верно, — кивнула Филиппа и так засмеялась, что даже чихнула.

* * *

Я не могла решить, где их ждать. У дома Патрика или у ее дома. Я знала, что все будет зависеть от того, как они решат поступить этим вечером с Джеком. Как правило, мать Патрика приходила к нему и присматривала за внуком, но иногда Джек отправлялся с отцом в дом Элен, и полагаю, его устраивали в комнате в задней части дома. Это не слишком честно по отношению к Морин. Помню, как сильно она выматывалась, когда мы оставляли Джека с ней, — он был еще совсем малышом. Внук сразу крепко обнимал ее своими ручонками. Хотя, конечно, теперь ему восемь и все должно быть иначе. Наверное, он уже предпочитает заниматься собственными делами — смотреть телевизор или еще что-то в этом роде. Надеюсь, Патрик не разрешает ему слишком много времени проводить перед телевизором. Ребенок должен читать. Раньше он очень любил книжки. Однажды я решила подсчитать, сколько раз можно прочесть ему «Прожорливую гусеницу», прежде чем ему это надоест. Но мне пришлось самой сдаться после того, как я прочитала ему книжку в пятнадцатый раз. Каждый раз, когда я добиралась до последней страницы, он просил: «Давай снова!» — и всегда с тем же самым энтузиазмом. Я до сих пор вижу его пухлые розовые щечки, когда он сидел у меня на коленях в красной пижаме с паровозиками и надувал губы, сосредоточенно слушая. И тыкал пальчиком в картинки, показывая дыры, которые гусеница прогрызла в яблоках.

Я могла бы посидеть с Джеком сегодня, пока Патрик и Элен отправились туда, куда они отправились. Это было бы просто замечательно! «Пока!» — сказала бы я бодро, как няня-подросток, и устроилась бы с Джеком на кушетке, накрывшись пухлым одеялом, прихватив с собой пакет чипсов.

Возможно, мне следует отправить Патрику письмо и предложить подобный вариант. Ха-ха.

Я могла бы годами быть такой няней. Порой думаю, что все могло бы сложиться совсем по-другому, если бы Патрик не решил вырвать Джека из моей жизни, отобрать моего маленького мальчика, моего милого малыша.

Помню, как одна из мамаш, которых я знала по подготовительной школе Джека, позвонила мне, узнав обо всем, и сказала: «Саския, он не может так поступить с тобой! Это же незаконно! У тебя есть права! Ты же мать Джека!»

Вот только я не была его настоящей матерью. Всего лишь подруга его отца. Какой судья стал бы меня слушать? Просто некие отношения, продолжавшиеся три года. Я даже официально не жила с ними в первый год. Так что все было не так уж и долго.

Но достаточно долго для того, чтобы видеть, как Джек выбрался из пеленок, научился плавать, и шутить, и пользоваться ножом и вилок. Достаточно долго для того, чтобы его волосы из курчавых превратились в прямые. Достаточно долго для того, чтобы он стал звать меня, когда ему снился страшный сон. Меня. Не папу. Он всегда звал только меня.

Внезапный крик врывался в мой сон, и я успевала пробежать половину коридора, прежде чем просыпалась окончательно. Помню, как однажды ворвалась в его комнату, а он сидел в постели, сильно тер глаза и рыдал вовсю. «Я просто хотел задуть свечи!» — сказал он.

А я ответила: «Все в порядке, ты можешь их задуть». И протянула ему воображаемый торт со свечами. Джек надул щеки и дунул — и все, проблема была решена. Он улыбнулся, глядя на меня полными слез глазами, а потом снова упал на подушку и моментально заснул. А Патрик до утра и не узнал ни о чем.

Предполагаю, теперь Джеку могут сниться не такие милые и простые кошмары.

В этом и вся суть. Где проходит черта между няней и матерью? Если вы присматриваете за ребенком вечерами, вы, очевидно, не превратитесь вдруг в его мать просто потому, что купаете его и кормите несколько часов. И то же самое продолжается недели. Или месяцы. Но что, если речь идет о годах? Два года? Три года? Существует ли некий момент, когда вы пересекаете эту невидимую границу? Или нет никаких границ, кроме очерченных законом, тех, которые определяются, когда вы подписываете документы об усыновлении? Но приемных детей могут потребовать обратно их настоящие родители — в любое время, даже по прошествии многих лет.

Мне следовало усыновить Джека. В этом была моя ошибка. Но мне это никогда и в голову не приходило.

Я рассматривала возможность ухаживать за Джеком как некую привилегию, как дар. Это была просто еще одна прекрасная сторона наших взаимоотношений с Патриком.

Поэтому, когда Патрик порвал со мной, я понимала, что потеряю Джека. Как потерю и все остальное, что любила в Патрике, вроде набухших вен на его руках. Я так любила его руки. И его почерк, прекрасный мужской почерк. И то, как необыкновенно он мне улыбался после секса. И еще я теряла его пение. Патрик частенько напевал себе под нос мелодии в стиле кантри, когда занимался разными делами по дому. Вообще-то, я ненавижу музыку кантри, но мне нравилось слышать его негромкое пение. Это было нечто вроде саундтрека к моей жизни.

Я никогда даже не выясняла, есть ли у меня какие-то права на Джека. Может, и так.

Но я была слишком потрясена, когда Патрик просто сообщил, что больше не любит меня.

Я не могла подняться с постели. Не могла разговаривать. Не могла есть. Это было нечто

вроде внезапного удара тяжелейшей болезни. Как будто бомба взорвалась прямо в моей жизни и разнесла вдребезги все, что казалось знакомым.

Если бы Патрик позволил мне встречаться с Джеком по выходным. Ну, как разведенный отец. Мне вполне могло бы хватить этого. Может, тогда я бы не стала делать ничего подобного, потому что сейчас, похоже, просто не могу остановиться, как бы ни старалась. А я старалась. Старалась. Раньше я совершенно не понимала алкоголиков или заядлых игроков. Когда я слышала о людях, погубивших свою жизнь из-за какой-нибудь глупой зависимости, то всегда думала: да ты просто остановись, и все. А теперь я сама стала такой же. Это все равно что предложить кому-нибудь перестать дышать. «Ты просто перестань дышать, и твоя жизнь вернется на прежний, правильный путь». И ты даже пытаешься сдерживать дыхание так долго, как только можешь. Но очень быстро начинаешь жадно хватать воздух. Понимаю, это унижительно. Понимаю, какой жалкой выгляжу. Но мне плевать. Я просто физически не способна остановиться.

И вот я сижу в машине перед домом Элен. Она говорила, что этот дом оставила ей по завещанию бабушка, и это уже как будто подчеркнуло разницу между нами. Моя бабушка оставила мне вазу для фруктов. Я опустила окно машины и услышала шум волн, набегающих на песчаный берег. Именно это должна слышать Элен, когда ложится спать. Именно это должен слышать Патрик, когда остается у нее.

Меня сморил сон. Когда же я проснулась, в спину били лучи восходящего солнца, но я не увидела машины Патрика поблизости. Значит, остались у него.

Я представила, как они засыпают в кровати, некогда принадлежавшей мне, может быть, даже лежат на простынях, которые покупала я, и гадала, тянется ли Патрик к Элен вот сейчас, на рассвете. Проводит ли осторожно кончиками пальцев по ее руке, так легко, что она не знает, наяву это или ей это снится? Патрик всегда любил неторопливо, полусонно заниматься сексом на рассвете.

Я открыла дверцу машины и вышла, ссутулившись, как какая-нибудь старая леди. Где-то неподалеку хохотали как сумасшедшие австралийские зимородки.

Помните...

- 1. Любой гипноз — это всегда самогипноз.*
- 2. Вы не можете застрять в гипнозе.*
- 3. Вы всегда владеете собой. Вы можете остановиться в любую минуту.*
- 4. Гипноз — это естественное состояние ума.*
- 5. Угощайтесь шоколадом!*

*Ламинированная табличка, висящая на стене кабинета
Элен О'Фаррел*

Элен проснулась оттого, что ощутила пальцы Патрика, медленно и осторожно скользившие по ее руке.

Такое движение всегда означало приглашение к сексу.

Джон обычно целовал ее в шею. Короткими легкими поцелуями.

Эдвард предпочитал облизывать мочку ее уха, пылко и влажно, и это было невыносимо щекотно. Он по ошибке принимал ее визг и судороги за бешеное сексуальное возбуждение, а Элен так и не разъяснила ему это постоянное заблуждение.

Энди же шептал ей в ухо, обжигая и раздражая своим дыханием: «Ты чувствуешь?..» Элен всегда хотелось спросить: «Что? Я чувствую что? Закончи предложение!»

Она вдруг задумалась о том, целует ли прямо сейчас Джон чью-то шею, и облизывает ли Эдвард чье-то ухо, и шепчет ли Энди свой незаконченный вопрос.

Почему ты думаешь о своих бывших любовниках?

Не открывая глаз, Элен повернулась к Патрику, чтобы тому было легче добраться до ее руки. Ей нравилось движение его пальцев. Ей очень нравилось движение его пальцев.

Но и легчайшие поцелуи Джона ей тоже нравились.

И что? Сосредоточься на пальцах Патрика.

Скорее всего, Патрик проделывал то же самое и с Саскией, и в этой же самой кровати, и, может быть, даже на этих же самых простынях.

И это, конечно, интересно, но не имеет отношения к настоящему моменту.

Как только вы доводите до совершенства свои сексуальные движения, то уже не склонны их менять. Элен и сама до сих пор целовалась точно так, как научил ее целоваться один мальчик на стоянке автофургонов, когда ей было пятнадцать лет. У мальчика был вкус пива. Противный и в то же время замечательный. Как же звали того парнишку? Крис? Крейг? Что-то вроде этого.

Патрик потянул ночную рубашку Элен:

— Сними.

Ей хотелось быть в постели с Патриком в этот момент, и больше нигде. Но с другой стороны, ей как-то очень не понравилась мысль о том, что Джон сейчас может целовать чью-то шею.

Элен помогла Патрику стянуть ее ночную рубашку.

И стала думать о том, чем в этот самый момент занимается Саския. Куда она

отправилась вчера вечером, после того как потеряла их у светофора? Вернулась ли домой и принялась перебирать старые фотографии — Патрика и свои? А может быть, плакала?

Была ли Элен в ответе за боль другой женщины? Не следует ли ей вернуть Патрика? Конечно, у нее не было ни малейшего намерения возвращать его. Он сам не желал быть с Саскией. Он хотел быть с Элен.

Так уж устроен наш мир. Отношения заканчиваются. А если бы это было не так, Элен до сих пор оставалась бы с тем дышащим пивом парнишкой со стоянки автофургонов.

Джулия была права. Саскии следует повзрослеть и двигаться дальше.

Но с другой стороны, разве не крылось нечто благородное в отказе Саскии уйти? Она обезумела от страсти. Элен никогда не позволяла страстям доводить себя до безумия.

— О чем ты думаешь?

Патрик, приподнявшись на локте, смотрел на нее сверху вниз и улыбался. Он осторожно убрал со лба Элен прядь волос.

— О Саскии, — честно ответила Элен, не успев подумать.

Патрик отдернул руку:

— Мне не избавиться от этой женщины, да?

— Извини, — поспешно сказала Элен.

Она попыталась придвинуться к Патрику и обнять его, но его губы сжались в тонкую линию, и он стал похож на мрачного школьного учителя, который готовился начать моральную экзекуцию.

— Теперь эта сучка забралась к нам в постель.

Он встал с кровати и ушел в ванную комнату, примыкавшую к спальне, и безо всякой необходимости с силой захлопнул за собой дверь.

Элен села, откинувшись спиной на подушку, и уставилась на медленно вращавшийся вентилятор на потолке. Кругом, кругом и кругом. Элен решила, что вентилятор — хороший образ для введения. «Представьте, что вы смотрите на вентилятор на потолке...»

Послушай, Саския, ты помешала нам заняться сексом. Патрик разозлился на меня из-за тебя.

Каждый раз, когда Элен была с Патриком, часть ее воображения представляла, как бы отреагировала на все Саския, если бы была здесь и наблюдала за ними. Это походило на то, как если бы Элен вела собственное реалити-шоу на телевидении, хотя и с одним-единственным зрителем. Если бы он знал, как много времени она уделяет размышлениям о Саскии, то просто взбесился бы.

За окном разразился хохотом большой зимородок.

* * *

Если вы достаточно долго смотрите на кого-то сзади, человек начинает ощущать ваш взгляд и оборачивается. Он может на самом деле и не видеть вас, но чувствует какие-то изменения в окружающей атмосфере.

Именно поэтому я всегда верила, что, если я буду думать о Патрике достаточно долго и упорно, он обязательно это почувствует. Если люди могут чувствовать взгляд, брошенный на них через комнату, то почему им не ощутить поток истинных эмоций, цунами эмоций, и всего-то через несколько кварталов?

Я представляю свои чувства в виде плотного облака, плывущего над улицами Сиднея, и вот однажды Патрик стоит под душем — он любит принимать душ подолгу и очень горячий, чтобы все вокруг заволгло паром, — и вдруг открывается окно и он совершенно неожиданно улавливает всю мою любовь. Он вдыхает облако моих чувств, и закрывает краны, и думает: «Саския...»

А потом, вытираясь пушистым полотенцем, думает: «Я совершил ошибку».

И после, даже не успев одеться, звонит мне. И все снова становится прекрасным.

Люди возвращаются друг к другу. Это случается постоянно. Так почему же этому не случиться с нами?

* * *

Патрик открыл воду в душе.

Должно быть, Элен сильно его расстроила; он ведь так ждал этого утра. Джек остался у бабушки, и Патрик не собирался забирать его до вечера, когда они должны были отправиться к его матери на ужин. Патрик мечтал о том, как они сегодня проспят допоздна, а потом позавтракают в постели и читают газеты. Он специально для этого случая купил круассаны. А Элен испортила ему такое радостное утро.

И неудивительно, что бедняга даже слышать не желал имени своей преследовательницы, а уж тем более в тот момент, когда собрался заняться с Элен любовью?

Охваченная раскаянием, Элен отбросила одеяло. Не надевая ночную рубашку, выскочила из постели и подергала дверь ванной комнаты. Та оказалась не заперта. Душ шумел. Пара было столько, что Элен едва могла что-либо рассмотреть.

— Хочешь ко мне присоединиться? — спросил Патрик из душа.

Он больше не выглядел как злой школьный учитель.

Элен отдернула занавеску.

И через несколько мгновений ее ноги уже обхватили талию Патрика и она начисто забыла о Саскии.

* * *

Некоторое время я бродила по садику перед домом гипнотизерши.

Подобрала маргаритку, упавшую на землю, и заткнула себе за ухо, как если бы была из тех девушек, которые знают, что будут выглядеть эксцентричными и милыми с цветком за ухом. Я как будто думала, что маргаритка может изменить всю ситуацию, сделать меня привлекательной и внушающей любовь. Точно это просто какой-то забавный любовный треугольник, а Элен и я — две девочки на вечеринке, старающиеся привлечь внимание одного и того же мальчика. Потом я поднялась на парадное крыльцо дома Элен и увидела свое отражение в стеклянной панели рядом с входной дверью. Я выглядела немолодой и потрепанной. Выдернула из-за уха цветок и смяла его, а потом постучала, и довольно громко, в эту дверь, хотя и знала, что Элен нет дома. Вновь постучала, со злостью. Словно утверждала нечто. Я здесь!

А потом меня передернуло, будто мы назначили встречу, но Элен меня подвела. Я

спустилась с крыльца и вдруг заметила дорожку, огибающую дом и уходящую на пляж.

Она вывела меня к берегу. Я сняла туфли и пошла босиком по холодному песку.

Вы только вообразите! Можно просто выйти через заднюю дверь — и сразу очутиться на пляже!

Я гадала, нравится ли это Элен. Она, вообще-то, не выглядела особо спортивной. Невозможно даже представить, чтобы она потела или отдувалась. Наверное, просто сидит, скрестив ноги, медитирует и бормочет мантры. Или занимается йогой. Приветствует солнце и произносит прочую чушь в этом роде.

Пляж встретил меня тишиной. Слышался только шорох набегавших на берег волн, да время от времени где-то кричали чайки. Слишком рано для любителей бега трусцой, тренировок на воздухе и выгула собак. Прилив был высоким, а жемчужное небо, казалось, висело очень низко.

Не переставая думать обо всем этом, я сняла с себя всю одежду, вошла в океан и нырнула под волну.

Вода оказалась настолько холодной, что от неожиданности из моих легких вылетел весь воздух. Вынырнув, я громко закричала и снова ушла под волну, и еще раз, и еще. Под водой я каждый раз открывала глаза и видела маленькие водовороты песка и лучики туманного света.

Забудь его.

Отпусти его.

Освободись от него.

Эти слова возникали в моем мозгу, кристально ясные, каждый раз, когда я погружалась в воду, как будто мне на ухо нашептывали послания некие русалки.

Потом, возвращаясь гольшом к одежде под первыми лучами утреннего солнца, которые ласкали кожу, я решила выпить кофе и прочитать газету в одном из кафе. Внезапно у меня возникло странное чувство, не возникавшее уже давно, и мне понадобилось несколько минут для того, чтобы понять: это счастье.

Простое, незатейливое счастье. Я и забыла, как мне нравится плавать в море. Это было сто лет назад. Почему-то погода обычно бывала не та, да и вода слишком холодна для того, чтобы Патрик захотел искупаться. «Ты просто болван!» — кричала я ему из воды, а он с ироническим видом вскидывал руку, соглашаясь со мной, и даже не отрывал взгляда от газеты.

Его мать рассказала мне, что он всегда был до смешного капризен в отношении температуры воды. Ей даже приходилось писать в школу записки, чтобы Патрика не заставляли участвовать в школьных карнавалах, где его могли облить водой. Когда Патрик стоял под душем, его брат частенько выплескивал на него чашку холодной воды, и тот визжал, как девчонка. «Ну ты и трусиха!» — говорил отец Патрика.

Интересно, познакомилась ли уже гипнотизерша с его родителями? Его мать очень меня любила. Однажды на Рождество, после основательной порции пунша, она даже сказала, что я ей как дочь.

Мне бы прислушаться к русалкам и устроить себе выходной от Патрика и гипнотизерши. Я могла бы, в конце концов, отправиться сегодня на вечеринку в фирме. Могла бы надеть красное платье, которое давным-давно не надевала.

А по пути можно заехать к матери Патрика. Просто чтобы поздороваться. Я бы показала ей, что продолжаю жить, иду вперед.

— Так, значит, ты гипнотизер? — спросила мать Патрика. — Должна признаться, никогда прежде не встречалась с гипнотизерами.

— Мама, она гипнотерапевт, — поправил ее тот.

— Ох, прошу прощения! — Его мать как будто испугалась.

— Да все в порядке! — одновременно поспешили успокоить ее и Патрик, и Элен.

Морин Скотт представляла собой вполне типичную маму и бабушку. У нее была неопишуемая бесцветная прическа, слегка обвисшее лицо, бесформенное тело и одежда мягких тонов, основательно растянутая.

— Моя мама намного старше твоей, — сказал Патрик, когда они ехали сюда. — Она принадлежит к другому поколению.

— А сколько ей? — спросила Элен.

— Исполнится семьдесят в этом году.

Анне шестьдесят шесть, то есть она была всего на три года моложе матери Патрика, но Элен не стала об этом напоминать, а теперь весьма этому порадовалась. Морин выглядела так, словно была по крайней мере на двадцать лет старше Анны. В то время как мать Элен как бы являла собой сплошные четкие линии и углы, Морин определению не поддавалась. Элен вполне могла представить Морин в роли одной из пациенток Анны. Последняя держалась бы бодро и снисходительно и советовала бы принимать кальций для профилактики остеопороза, а еще регулярно делать маммограмму, как будто все эти проблемы немолодых леди ее саму ожидали еще нескоро.

— Значит, ты гипно-те-рапевт, — старательно повторила Морин. — Мне было бы очень интересно узнать об этом побольше.

Она передала Элен поднос с изображением моста через Сиднейский залив, на подносе стояла большая чашка с французским луковым соусом и лежали сухие бисквиты.

— Мы можем сами все увидеть, — заявил отец Патрика. — Почему бы ей не загипнотизировать нас за ужином? — Он хлопнул в ладоши и захихикал.

Джордж выглядел ошеломляюще, до комизма похожим на Патрика. Элен пришлось сделать усилие над собой, чтобы перестать на него тарашиться. Она в жизни не видела родителей и детей, похожих до такой степени. Если бы Патрик не находился в этой же самой комнате, она бы могла заподозрить, что он просто решил разыграть ее и прикинуться старым человеком, хотя и замаскировался не слишком успешно. Да, волосы Джорджа седые, а не каштановые, но подстрижены точно так же, а с чуть более морщинистого лица на Элен смотрели зеленые глаза Патрика. Все у них было одинаковым: форма носа, линия подбородка, разворот плеч, даже то, как они сидели в креслах, вытянув ноги перед собой и одинаково держа в крупных ладонях стаканы с пивом.

— Они клоны, — сообщил ей на ухо брат Патрика, наклоняясь к Элен и ставя перед ней на стол подставку под тарелку.

На подставке красовалась скала Айера.

Младший брат Патрика, Саймон, был некрупным и смуглым, с аккуратно подстриженной бородкой-эспаньолкой, как у какого-нибудь модельера. Саймону всего двадцать четыре, и, на взгляд Элен, ему бы больше подошло глотать какие-нибудь наркотики в ночном клубе, а не передавать бокалы в одноэтажном домике из красного кирпича, где над

телевизором, беззвучно показывавшим какое-то шоу, висело распятие, а стеклянная горка была битком набита разными безделушками и коллекционными фарфоровыми тарелками.

— Элен собирается научить меня гипнотизировать друзей, — сообщил Джек, не поворачивая головы; он лежал на полу перед телевизором, растянувшись на животе, и играл в какую-то компьютерную игру.

— Я сам могу научить тебя, приятель, — откликнулся Джордж. — Он взял чайную ложку и стал ее раскачивать, держа кончиками пальцев. — Ты... постепенно... засыпаешь.

Он хлопнул себя по колену. Джордж принадлежал к людям, готовым аплодировать самим себе.

— Точно, так и есть, дедушка, — сказал Джек.

— Могу поспорить, Элен никогда прежде не слышала этой шутки, — бросил Саймон.

— Джордж! — заговорила Морин. — Я уверена, речь идет не о том, чтобы просто гипнотизировать людей! — Она с беспокойством взглянула на Элен. — Ведь так, да?

— В общем, — улыбнулась Элен.

Французский луковый соус был приготовлен из сметаны, смешанной с пакетом сухого лукового супа. Это словно вернуло Элен в школьные дни.

— Иногда я чувствую себя загипнотизированной, если слишком долго смотрю телевизор, — сказала Морин. — Мне кажется, что я выхожу из какого-то оцепенения.

— Ну, на самом деле это действительно некая разновидность гипноза, — подтвердила Элен.

— В самом деле? — с довольным видом произнесла Морин.

— Элен помогает бросить курить или немного похудеть, — сообщил Патрик. — Все в таком роде. И еще помогает деловым людям преодолеть страх перед публичными выступлениями.

Он просто дословно цитировал одну из брошюр Элен. А она и не подозревала, что Патрик их читал.

Элен чувствовала себя так, словно сегодня их роман перешел на некий новый уровень: более глубокий, более сложный, более совершенный. Их утренний секс под душем был настолько необычен, что Элен постоянно хотелось кому-нибудь рассказать о нем. Продавец в овощной лавке спросил для поддержания разговора: «Хотите сегодня что-нибудь необычное?» — а Элен чуть не лягнула: «Вообще-то, я уже получила сегодня необычное сексуальное переживание — под душем! Спасибо, что спросили!» После душа они с Патриком вернулись в постель и разговаривали. Патрик извинился за то, что огрызнулся, и сказал, что иногда Саския доводит его до такого состояния, что он даже подумывает посоветоваться с юристом.

— Значит, ты помогаешь людям выступать публично? Мне по работе постоянно приходится говорить перед клиентами, — сказал Саймон, трудившийся дизайнером веб-сайтов. — И я всегда думаю, что совершенно не нервничаю, а потом происходит это странное явление. — Он встал, чтобы продемонстрировать. — У меня в левой ноге как будто внезапно начинается судорога или спазм. — Саймон ударил одним коленом о другое.

— Ха! — воскликнул Патрик. — И со мной то же самое происходит! Только у меня скорее это вот так... — Он встал и резко подогнул ногу.

— Вы, мальчики, выглядите как двойники Элвиса, — фыркнула Морин.

Джек перевернулся на спину, чтобы понаблюдать за представлением.

— А я здорово умею говорить, — заявил он. — И ничего с моими ногами не происходит.

Деда, а у тебя бывает такое?

Джордж покачал головой:

— Не-а. Вы должны были унаследовать от меня стальные нервы.

— Стальные нервы, — пробормотал Джек себе под нос. — У меня стальные нервы.

— Морин, а у вас? — спросила Элен.

— Вообще-то, я вполне справляюсь с речами, — неожиданно ответила та. — Даже произносила рождественскую речь в нашем теннисном клубе лет сорок подряд. И все проходило благополучно.

— Мама просто шутит, — сказал Патрик, откидываясь на спинку стула с бокалом пива.

— Большинство мам совершенно не умеют шутить, — проговорил Саймон. — Но только не наша.

Оба сына явно гордились своей матерью. Морин просияла.

— Иногда ее шутки бывают довольно сальными, — сообщил Джордж. — Моя жена отлично умеет рассказывать сальные анекдоты.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Существует давний спор о существовании в буддизме двух типов медитации: медитации памятования (она же медитация осознанности) и медитации сосредоточения. Элен очевидная поклонница именно «прямого пути», т. е. медитации памятования. Это полностью соответствует ее типу личности, ведь второй путь — это полная свобода, но при этом и огромный риск «заблудиться». — *Здесь и далее прим. перев.*

Милтон Эриксон (1901–1980) — американский психиатр. Занимался медицинским гипнозом. Его взгляды на измененное состояние сознания послужили основой нейролингвистического программирования.